

АРТЕМ
ТИХОМИРОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БУРЯ И НАТИСК

Артем Тихомиров

Буря и натиск

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271792
Буря и натиск: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37479-3*

Аннотация

Колыбель гоблинской цивилизации должна быть очищена от оккупантов! Свирепая война зеленого народа со светлыми эльфами пылает в Великом Злоговаре. В мясорубке массированных бомбардировок и артобстрелов гибнут тысячи магических существ. Любой из бойцов знает: с той стороны – смертельный враг и вцепиться ему в глотку – святое дело. Однако, когда гоблин Крот с группой сослуживцев получает задание доставить в штаб взятую в плен эльфийку-смертницу Этайн, становится ясно, что не все так просто и понятно на этой войне, как казалось вначале.

Содержание

1	4
2	22
3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Артем Тихомиров

Буря и натиск

1

5 июня 1549 года. Злоговар.

Южная Дурландия.

Зона Фуин

Под прикрытием густого кустарника несколько гоблинов-разведчиков сумели подползти едва ли не к самой реке и залегли в небольшой ложбинке.

– Вот она – красота несравненная, провалиться ей на этом месте... Смерть Зеленым они ее называют, – проворчал Ржавый.

Лейтенант направил подзорную трубу на противоположный берег Килинвэ, рассматривая мощные бетонные укрепления. На старых гоблинских картах река обозначалась как Текучка, но эльфы, конечно, и ей дали другое название. Вряд ли хоть что-нибудь в Великом Злоговаре за три сотни лет осталось нетронутым изящными эльфскими ручонками.

Сказочник повел плечами, поправил каску. На листике травы перед его носом сидела жирная саранча. Гоблин сцапал ее и сунул в рот. Саранча захрустела, словно сухая галета.

– На нас, думаю, намекают, – сказал Ржавый, пихнув сержанта локтем. – Кишка, мол, у нас тонка эту баррикадку взять... Как думаешь?

Сказочник выпятил губы.

– Десять гвоздеметных гнезд... сектор реки пристрелян наверняка до сантиметра... и эти доты. Как подойдем?

– Как всегда, так и сейчас! – ответил лейтенант, поворачивая к Сказочнику зеленую ряху, инкрустированную узорами шрамов. Из-под козырька каски взирали усиленные броней надбровных дуг антрацитовые глаза; скулы выпирали по бокам морды, словно могучие ледяные торосы; здоровенный рот то ли улыбался, то ли скалился, не пойми, но на слабо-нервного явно произвел бы неизгладимое впечатление. – Поди, не в первый раз такое видим, старик.

– Верно. Однако переть на рожон неохота, – отозвался Сказочник.

Ржавый щелкнул зубами, сложил трубу и сказал:

– Так или иначе другого пути нет. В обход нам идти не позволят, потому что оставить эту милую штучку в тылу может только полный псих. А вообще – разве это позиция? В дельте Широкуна и покруче было.

– Слыхал.

– То-то. А там не чета этим укрепрайон был, скажу я тебе, – четыре линии обороны. Прежде чем мы с моря высадились, артподготовку с крейсеров вели часов шесть. Генерал Рыгун, болтают, по палубе флагмана бегал и голосил трехэтажным матом, пока ординарцы не увели его в каюту и не уложили спатеньки! Но взяли же плацдарм, никуда не делись. Потому – приказ и... дело чести...

Лейтенанта уважали и любили. С первого дня Реконкисты, с Первого Десанта на берег Отстоя лишь на таких и держалось наступление. Гоблины шли и шли вперед, невзирая на превосходящие силы противника и его более совершенное техническое оснащение. Ничем такого вот Ржавого не испугать, ничем не удивить. Всюду побывал лейтенант, дрался во всех уголках земли в сотнях кампаний – против людей, эльфов, троллей, гномов, – землю грыз, ледяной воздух глотал в горах, дышал ядовитыми испарениями в болотах. И теперь, когда речь шла о возвращении к Корням, он был тем паче неумолим. Истинный полевой коман-

дир, еще вчера вожак свободной бандеры на службе короля Харкплюя Брода Клыкастого, а сегодня вновь офицер регулярных частей. Подземная пехота, спецназ.

По-пластунски, приминая брюхом траву, подполз Слизняк. Сказочник отметил, что ползать по-научному эта деревенщина так и не научилась. Любому эльфу-снайперу ничего не стоило вклеить в эту торчащую сверху задницу пулю.

– Берег чистый, – доложил гоблин, – на этой стороне ихних дозоров нету...

– Угу, – отозвался Ржавый, – а что Крокодил? Сможет на тот берег попасть?

– Опасно, – отозвался Слизняк с видом эксперта. Пехотная каска, покрытая камуфляжным рисунком, была ему мала и сидела чуть не на самой макушке. Нижняя челюсть словно паровой молот – таким инструментом впору чугунные болванки плющить. Одним словом, простой гоблинский парень, настоящий герой, готовый мчаться на край света восстанавливать справедливость. Подобных ему или Ржавому обычно изображали на пропагандистских плакатах. Стоит этакий шкафец с физией, словно секунду назад узнал, что враги сожгли родную хату (и выпили все пиво из ледника), и тычет в наблюдателя пальцем. Говорит, стало быть: «Если ты настоящий гоблин, вступай в ряды Армии Освобождения!!!» И бурлит у всякого неравнодушного внутри праведный гнев – речь-то идет ни много ни мало об отвоевании у эльфов Исторической Родины! Как же можно в стороне оставаться? Когда-то с большого бодуна наемник Сказочник решил вступить в эту самую армию. Все-таки служил в подземной пехоте еще под началом легендарного Лукавого Зима. Чем он хуже других?

Однако за все надо платить, и за энтузиазм тоже – теперь он здесь, а за спиной месяц боев, переходов, стоянок, отступлений и мордобоя с себе подобными в часы отдыха.

«Вот это жизнь! Круто!» – подумал Сказочник, беря у лейтенанта подзорную трубу.

– Опасно ему! – фыркнул Ржавый, грозно посмотрев на Слизняка. – Пусть лезет, пробует! Так и передай!

Слизняк моргнул.

– Но там ихние эти – сигналки магические могут быть. Крокодил говорит, что, мол, не дело...

– Пускай не умничает! – проворчал лейтенант. – На крайняк – устроим бучу, прикроем. Позови мне сюда гобломанта нашего распрекрасного, только чтобы одна нога здесь, а другая в Крутизне!

Слизняк не стал долго размышлять над сей идиомой, в которой упоминалась древняя столица Злоговара, и уполз, все так же демонстрируя эльфам зад.

Сказочник навел трубу на обрывистый берег, на вершине которого укрепился противник. Бетонная инфраструктура была на уровне, тут без фортификационной магии не обошлось. Высота до основания стены не меньше семи-десяти метров песчаного сыпунa; просто так не вскарабкаешься. Многих придется положить, прежде чем штурмующие окажутся наверху, прикинул сержант. Ага, вот и башенки с амбразурами, и торчит из них не что-нибудь, а гвоздеметы «L-Rond-200», стреляющие стальными дюбелями со стандартной чаро-оболочкой калибра 15,5; и солдат увидеть можно. Прикикли в прикладам, ждут, поглаживают пальцами спусковые крючки – значит, уже в курсе, что зеленые на другом берегу.

Сержант оскалил зубы, рассматривая напряженные лица эльфов – огромные глаза и крошечный ротик под острым носом. Чуют, куклы, всем своим утонченным ливером, что схлестнуться им судьба с Седьмым Ударным Батальоном Подземной Пехоты. С тем самым «Смердящим», о котором ходят легенды по обе стороны фронта.

Послышалось негромкое жужжание – звук, знакомый всем, кто воевал с эльфами в Злоговаре. Разведчики еще плотней прикикли к земле, наблюдая за стрекозабром, порхающим над вражескими позициями. Две пары больших полупрозрачных крыльев отражали солнечный свет, и блики рассыпались, словно волшебная пыльца. Аппарат сделал круг и полетел через реку.

– Мигом срисует! – буркнул Ржавый.

– Да знают они уже, – ответил Сказочник, подтягивая к себе пистолет-каменлет и передегивая затвор. – Может, дать залп ему в рыло?

– Не надо. Раз знают про нас, так не поможет. Авось Крокодил под шумок сумеет пробраться. – Ржавый сплюнул, ухватил травинку и стал пожевывать как ни в чем не бывало.

По природе свой неустрашимый и наглый, Сказочник, не скрываясь, навел трубу на летательный аппарат. Пилот, сидевший в прозрачной кабине, скрючился в три погибели. На глазах – очки-консервы, в руках рычаги управления, ноги давят на педали на крошечной площадке под ногами. Стрекозабр наверняка защищен магическим экраном, и одиночные выстрелы ему нипочем, но если бабахнуть сразу из дюжины стволов, этажерка не выдержит. Не предназначены такие летайки для боя – лишь для разведки. Для воздушной драки у эльфов есть кое-что посерьезнее: бипланы-перехватчики, мини-дирижабли для бомбометания, большие цеппелины для налетов с высоты и прочая дрянь, позволяющая им удерживать господство в воздухе и немало досаждать гоблинам на театре военных действий. Армия Освобождения Злогогара, впрочем, в долгу не осталась. Научились зеленые воевать с эльфами и на высоте – нужда, как говорится, заставит, хотя природе гоблинской такая война не очень по душе.

Стрекозабр переместился к противоположному берегу реки и кружил над головами разведчиков.

Откуда ни возьмись появился давешний гобломант, один из батальонных магов сугубо племенной спецификации. Гобломантия была доступна лишь самим гоблинам и являлась своего рода секретным оружием, суть которого эльфы не могли понять потому, что, разумеется, гоблинами не были. С начала времен даже злейшие враги «цивилизованных» Детей Цветов использовали в войнах чары, хотя больше полагались на силу, выносливость и в не меньшей степени на твердолобость. Пролетели зоны, сменилось оружие и стратегия, но потребность в магии на войне только возросла. В Армию Освобождения специально набрали целый корпус гоблинов-чародеев, ведь отвоевывать Злогогар придется не у людей, даже не у гномов, а у самых что ни на есть... в общем, эльфюг – от которых, каждый маленький гoblin знает, все зло в мире.

Гробовщик был, как всегда, крайне недоволен своей судьбой. Его любимым занятием с начала Вторжения стало ворчание, скрежетание зубами, шипение и оплакивание своей участи. Жизнерадостное прозвище свое он оправдывал целиком, хотя, по мнению Сказочника, если быть точным, гобломанта следовало обозвать Нытиком. И не будь Гробовщик действительно хорошим чародеем, ему давно уже дали бы фирменного пинка из батальона и отдали под трибунал за пораженческие настроения и создание пессимистической атмосферы в рядах доблестных подпехов.

– Чего? – спросил Гробовщик, даже не думая обращаться по уставу.

– Надо пошуметь, приятель, – ответил Ржавый, указывая на противоположный берег. – Чтобы Крокодил смог пробраться на ту сторону, усек?

Гробовщик усек – дураком не был. Сказочник покосился в его сторону. Неопрятный, плохо подпоясанный, нечесаный, неумытый, в дырявых ботинках, гобломант больше напоминал дезертира, который уже неделю скитается по пересеченной местности в поисках пропитания. Глаза из-под насупленных бровей смотрели дико, словно у зверя. Говорили, что в боях при взятии Щелчка Гробовщик получил чем-то тяжелым по тылке. Другая версия утверждала, что его шарахнуло вражьей магией. Третья вообще язвила насчет незавидной судьбины жертвы аборта... При самом Гробовщике подпехи старались не шутить. Учитывая скверный характер батальонного адепта, за зубоскальство можно было вполне получить фэйрболлом в интересное место. Или проще – кулаком в глаз.

– Зачем? Что за ахиня? – спросил Гробовщик, рассматривая бетонные укрепления.

Ржавый пояснил свою мысль в деталях, повторяя приказ медленно, по слогам, словно разговаривал с придурком. С этим магическим типом надо было иметь гномское терпение.

Стрекозабр по-прежнему кружил над гоблинским берегом Текучки. Неясно было, заметил ли эльф на летайке Ржавого и его подчиненных, и если заметил, то чего ожидать после. При помощи магического кристалла шпион передаст информацию своим, на усмотрение командования, а там кто знает. Известно, что эльфы отличаются очень осторожной манерой ведения пехотного боя; на памяти Сказочника еще не было случая, чтобы Дети Цветов бросались в свалку очертя голову или без причины провоцировали противника. Сейчас у них хорошая позиция – и они об этом знают. На месте перворожденных Сказочник просто сидел бы и наблюдал.

Несколько минут он боролся с искушением вклеить «покорителю неба» каменную пулю в брюхо, но командование приказало без надобности не рыпаться.

Перепалка между лейтенантом и гобломантом продолжалась недолго. Ржавый готов был пустить в ход кулаки, чтобы напомнить Гробовщику, кто в доме хозяин, и маг почувствовал, что дальше упираться не стоит. После отчаянной борьбы с собственным упрямством гобломант согласился пошуметь. Он уполз, шипя себе под нос проклятия в адрес всех эльфов вместе взятых.

– Теперь будет, – сказал лейтенант. Сказочник кивнул. Что бы там ни было, Гробовщик умел устраивать фейерверки.

Неожиданно вернулся Слизняк. Ржавый спросил у него, где его, скотину, носит так долго.

– Живот прихватило, – отвечивал рядовой.

– Нашел время!

Сержант Сказочник вернулся к наблюдениям. За исключением нечетких силуэтов гвоздеметчиков в амбразурах, ни одного вражеского солдата в обозримом пространстве. Неизвестно, сколько за укреплениями линий обороны, каково количество пехоты, есть ли тяжелые орудия, гостят ли где-нибудь в захудалом штабике эльфы шишки-офицеры. Крокодил должен составить обо всем этом хотя бы примерное представление. Гоблин-оборотень был незаменим в таких вещах. Обернулся в эльфа – и вперед, иди себе, посвистывай, улыбайся и собирай ценные сведения. Если Крокодилу удастся пробраться внутрь, полдела сделано...

Вода в реке взбурлила, запенилась, пошла волнами. Казалось, со дна вот-вот всплывет нечто весьма немаленьких размеров. Как минимум, прикинул Сказочник, величиной с кашалота.

Гоблины затаили дыхание. Струхнув в первое мгновение, эльф-разведчик на стрекозабре бросился к своим позициям, но передумал и завис над землей на безопасном, как ему казалось, расстоянии.

Перворожденные, выглядывающие из амбразур, тоже наблюдали. Явление поражало своим идиотизмом. Сказочник открыл рот.

На берег, поднимая тучи брызг, вылезло чешуйчатое чудо-юдо непонятной породы и видовой принадлежности. То ли несси, то ли грифон, то ли феникс, то ли дракон-вилухвост. Гробовщик решил поразвлечься. Чудовище с тремя парами рогов и шестью глазами взмахнуло хвостом и шлепнуло им по поверхности реки. Капли воды взметнулись вверх, сверкая, точно осколки хрусталя. Рев чудовища напоминал трубный голос слона в брачный период, и эхо от сочной рулады пронеслось над пока еще мирными окрестностями.

На глазах у изумленной публики нечто выпростало из тела дополнительную пару конечностей, доведя общее количество до шести, и погрузилось когтями в береговой песок.

Гоблины видели, как созданное Гробовщиком чудовище поднялось на задние лапы, подмигнуло эльфам и принялось исполнять дикий танец, состоящий из нервных телодвижений, кувыркков и встряхивания черепушкой.

Бац – и на узких бедрышках твари появилась розовая юбка с оборками, а на голове – кружевной чепчик. Видок у тварюги стал невыносимо кокетливый.

Лейтенант проворчал что-то и сплюнул.

– Извращенец, – сказал Сказочник.

– Кто? – спросил Слизняк.

– Да Гробовщик.

– А-а.

Чудо-юдо разошлось не на шутку. Щелкая кастаньетами, оно танцевало и даже пыталось петь, хотя то, что вылетало из зубастой пасти, нельзя было назвать песней даже приблизительно. Интересно, а у Гробовщика тоже такие проблемы со слухом, подумал сержант, переводя взгляд на бетонные укрепления. Гвоздеметчики заерзали, стараясь не пропустить момент внезапной гоблинской атаки, которая вполне могла последовать за этим эффектным номером.

Опустившись на четвереньки, чудовище подняло хвосты и выпустило газы. Газы превратились в разноцветные шары; их было много, целая орда, и они стали медленно подниматься вверх. Почти красиво. Почти. Только шары эти больше пришлось бы к месту на каком-нибудь празднике, а не здесь, на передовой. Сказочник вспомнил свою работу в парке развлечений в Сойде, и ему стало мутно.

Шары все поднимались и поднимались, эльф на стрекозабре поспешил смотаться куда подальше, чтобы не столкнуться ненароком с одним из них.

– Ну и что это такое? – спросил Ржавый. – Детский утренник, что ли?

– Однажды мама подарила мне пару таких, зеленый и синий, – промычал Слизняк почувствованно. – Мне было шесть лет.

Лейтенант изобразил по-драконьи многообещающую ухмылку.

– Какая еще мама? У таких, как ты, мам вообще не бывает! – сообщил он.

Слизняк вытаращился на него: известие было просто потрясающим.

– Как это? Не бывает?

– Вот так. Догадайся...

Рядовой задумался надолго, возможно, это займет его на несколько дней.

Гробовщик появился словно из-под земли, и на его роже было написано крайнее самодовольство. Крайнее и редкое, учитывая его увлечение пессимизмом и самобичеванием.

– Крокодил уже там, – сказал гобломант. – Я установил с ним связь...

– Что, в эльфа превратился наш красавчик? – спросил Ржавый ехидно.

– Типа того.

– А это? – Лейтенант указал на танцующее чудище на берегу. Сказочник подумал, не пора ли уже продавать билеты на представление.

– Это скоро кончится... – ответил чародей. – Может, пора смазывать лыжи? А то чую, что эльфюги не прочь дать в нашу сторону несколько залпов. Нервничают. Знаешь что, командир?

– Ну?

– Сдается мне, там у них все не по-детски. Я наладил зеркало, чтобы посмотреть, чего творится за укреплениями, но мало что увидел. Сигналки есть, простые самые...

– И?

– В общем, по моим прикидкам, пехтуры ихней там не меньше тысячи, много гвоздеметов, артиллерия, минометы, – сказал Гробовщик.

– И что? – спросил грозный командир. За этим вполне могла последовать лекция на тему долга, мужества, доблести – добродетелей сугубо гоблинских, почитаемых наравне с умением бить морды по пьянке, вышибать лбами каменные двери подземелий и совершать подвиги на любовном фронте. Что настоящему гоблину минометы, вопрошала лейтенант-

ская ряха. Что ему какие-то там эльфюги, количеством превосходящие зеленых вдвое? Вот в День Г так и было, а это чего? – подключились брови Ржавого, исполняющие танец праведного гнева. Раз уж укрепились, раз высадились, так вперед – до Полного и Окончательного Освобождения. Триста лет и три года томился Злоговар в ручонках эльфов, пора и честь знать, да и никакие гвоздемety нас не остановят! До конца, так сказать, в атаку, смерть пожирателям вегетарианских котлеток, и вообще, напоминаю: хороший эльф – мертвый эльф!

Уловив всю эту богатую гоблинско-патриотическую гамму, выраженную так ясно на просторах того, что было лицом Ржавого, Гробовщик и не думал возражать.

– Если нам дадут приказ, мы пойдем и раздолбаем их всех! – сказал лейтенант. – Есть какие-нибудь возражения?

Сказал – отрезал!

У Сказочника возражений не было. Слизняк, в задумчивости шевеливший губами, ответил не сразу, а только после легкого удара по каске. Но и у него не было особого мнения на этот счет. Гробовщик растерял свое воодушевление и вновь погрузился в сладостный мир, где на каждом шагу честного гоблина поджидали сплошные неприятности.

Тем временем представление, устроенное гобломантом, вступило во вторую, самую впечатляющую фазу. Разноцветные воздушные шары достигли отметки метров пятидесяти, не обращая внимания на дующий с северо-востока ветер, и начали лопаться. Беззвучно. Каждый шар выбрасывал в воздух, подобно фейерверку, целые снопы разноцветного огня. Огонь рассыпался на тысячи искорок, которые медленно, будто снежинки, спускались к воде. Блики на рябистой поверхности делали реку похожей на зеркало.

Сказочник никогда подобного не видел, поэтому, залюбовавшись, не сразу сообразил, что лейтенант тянет его назад, вцепившись пальцами в рукав куртки.

– Валим отсюда! – прошипел Ржавый. – Пока эльфюги не прочухали, чем дело пахнет.

– А чем? – поинтересовался впереди Слизняк.

– Я тебе в лагере объясню, – пригрозил лейтенант.

Сказочнику жаль было покидать позицию – уж больно наверху было красиво. А что же тварь? Чудик, созданный Гробовщиком, носился по берегу, напевая дурным голосом какой-то романс, и размахивал кружевным чепчиком.

Исчезая в густом кустарнике, Сказочник обернулся и заметил, что над верхним краем бетонной стены торчат эльфьи головы. Головы эти, облаченные в каски с подбородниками, пялились в бинокли на противоположный край реки.

«До встречи», – подумал гоблин, поползая по едва заметной тропке следом за лейтенантом. Вопли твари-фантома еще какое-то время слышались позади, но вскоре стихли.

* * *

Мимо лагеря, расположившегося в развалинах деревушки, колонной шли войска. Мрачные морды-кирпичи, сжатые кулаки, тяжелая широкоплечая поступь. Фанатично сверкающие глаза освободителей Злоговара нельзя было скрыть ни многодневной усталостью, ни пылью, что покрывала идущих с ног до головы.

Сказочник и Гробовщик остановились, чтобы посмотреть.

Колонна по трое тянулась из-за угла слева и исчезала за пригорком справа. Ботинки трамбовали и без того спекшийся на солнце грунт, спины сгибались под тяжестью снаряжения – каждый тащил на себе здоровенный рюкзак и собственное оружие; позвякивали прикрепленные к поясу котелки, коробки для магазинов, корды и кинжали, болтались у бедер сержантские планшетки.

Многие гоблины, успевшие за месяц боев стать ветеранами, нацепляли на себя трофейные эльфьи безделушки; встречались типы, сплошь покрытые фенечками. Браслеты,

цепочки, амулеты ценились довольно высоко, их можно было продать или обменять на что-нибудь ценное. На лишнюю банку единороговой тушенки, например. У одного здоровенного, под стать троллю, пехотинца Сказочник заметил на шнурке, болтающемся на шее, отрезанные эльфы уши. Подобные трофеи тоже не были редкостью. Встречались также пальцы и носы.

Гоблины подошли ближе.

– Вы откуда, парни? – спросил Сказочник.

– Пятая Пехотная... – ответил кто-то, махнув рукой.

Мимо Сказочника проплывали зубастые морды.

– Третья Горная Дивизия, брат...

– От Драконьей Отрыжки топаем...

Сказочник сплюнул в пыль. Все слышали, как гоблинам врезали под Отрыжкой неделю назад; неприятель смог зажать их в кольцо и бросил на некстати оказавшуюся в поле пехтуру конный корпус знаменитого бригадного генерала Вриалья Дафинга.

– После перегруппировки... – раздавались голоса.

– Теперь мы новый Семнадцатый Пехотный Полк...

– А где старый Семнадцатый? – спросил Гробовщик.

– Приказал долго жить! – проворчал один из зеленых.

– К Духам Предков отправился, – сказал другой, солдат явно в годах. Он даже не посмотрел на подпехов и протопал мимо со склоненной головой.

К колонне подскочили гоблины из «Смердящего», загомонили, обмениваясь новостями, передавая из рук в руки трофеи.

Полк двигался на северо-запад, огибая район, который в скором времени предстоит штурмовать подпехам. Поток солдат внезапно иссяк, и потянулась техника. Сначала грохочущие тентованные грузовики с боеприпасами и оружием, затем пуще прежнего загрохотали легкие танки – недавняя военная новинка, идею которой толкнули эльфы. Боевые машины, покрытые пластинами брони, несли в себе мортиру, заключенную внутрь обтекаемой башни, и гвоздемет в передней части. Сказочник видел гоблинские танки в бою и не мог сказать, что они составляли уж очень сильную конкуренцию эльфийским. Но лиха беда начало, как говорят люди.

Колонна из двадцати машин с торчащими из башен командирами экипажей прошла, а за ней потопали слонопотамы, волокущие тяжелые орудия. Звери сопели и пыхтели, сотрясая землю, а погонщики-тролли знай себе размахивали кожаными плетями. Одна из зверюг, достигающая в холке высоты десяти метров, на глазах подпехов навалила здоровенную кучу. Погонщик наступил в дерьмо и зарычал от злости под хохот наблюдавших за сценой гоблинов. Вzbешенный тролль обрушил свою злость на слонопотама, и тот выдал в ответ весьма продолжительный трубный звук внушительной кормой. Вонь была такая, что даже гоблины заорали от возмущения. Их словно ветром сдуло.

– Жрать охота, – заявил Гробовщик, почесывая затылок. Ему было все нипочем. Каску он прицепил на специальный крючок на груди, провел рукой по физиономии, поглядел на ладонь, будто хотел найти так что-то интересное. – Пошли, сержант, посмотрим, чего дают.

С походной кухни тянуло чем-то вкусным, запах расплзлся по окрестностям. Гоблины потащились на другой конец лагеря. Большая часть солдат спала в палатках, разбитых прямо на центральной улице деревеньки и поблизости от нее. Некоторые из них расположились под худыми крышами глинобитных лачуг. Офицеры, конечно, отвели для себя самый не пострадавший от времени дом, вероятно, когда-то принадлежавший местному старосте.

Место Сказочника было в хижине вместе с другими сержантами, однако ночевать он предпочитал под открытым небом. Вонь под крышей была омерзительной. Эльфы ведут

мощную антигоблинскую пропаганду, рисуя их грязными животными, дикарями и варварами. Гоблины то, гоблины се, гоблины такие-растакие. Спят со свиньями в хлеву, не прочь добавить в свой рацион порцию-другую свежего навоза, что никакой помойкой их не смутит, что рождаются и подымаются в грязи. Гоблины-де лишены всякого эстетического чутья. Неприхотливость и стойкость к трудностям эльфийские пропагандисты извратили на корню, не желая и не умея понять разницы между «животностью» и непосредственностью. Насчет варваризма Сказочник был согласен. Гоблин – существо естественное, не оторвавшееся от природы, чем давно славятся опухшие от собственного эстетизма эльфюги. Поэтому «варвар» в устах пропагандистов Шелианда (так эти стручки обозвали Великий Злоговар) звучало скорее комплиментом, чем оскорблением. Вне зависимости от желания эльфов Злоговар вновь станет гоблинским.

Реконкиста – и никаких гвоздей, как сказал генерал Гремящий, командующий силами вторжения.

«Смерть эльфам! Здесь был Сопля!» – нацарапал какой-то солдат на стене дома, рядом с которым стояла полевая кухня. Под навесом толкашились кашевары.

– Жрать давай, – мрачно потребовал Гробовщик у главного блюстителя провизии, за что в ответ получил от громилы с закатанными рукавами цветастый монолог насчет всяких там дармоедов. У Чмокалы все были дармоедами – ко всем он относится одинаково, что к офицерам, что к рядовым. Чмокала тоже время от времени проклинает судьбу. Раньше он работал поваром в ресторане и получал неплохие деньги, а теперь, видите ли, погнавшись за воинской доблестью, прозябает среди недоумков. Сам-то он был недоумком другим на зависть и силищей обладал завидной. Пальцами мог согнуть толстую чугунную кочергу, а двумя руками завязать ее в красивый бантик.

Ругаясь, повар тем не менее выдал им по порции гороховой каши с жареными улитками и сухарями, пожелал приятного аппетита и побыстрее загнуться.

– Мне бы быть таким оптимистом, Чмокала, – сказал Сказочник, отходя от котла.

Здоровяк погрозил ему большущим половником и разинул пасть. В ней кое-чего не хватало – зубов через одного.

– За компотом придем, – предупредил Сказочник. Компот, как он успел заметить, сегодня был из волчьей ягоды с добавлением рябины и вороньего глаза. Его любимый. Почему-то напоминал далекие деньки голоштанного детства в трущобах Дырявой Подметки. И с чего это сегодня тянет на... есть такое эльфье словечко – ностальгия... вот на нее и тянет... Тьфу, подумал гоблин, не к добру, ясно дело...

Гробовщик успел куда-то смыться. Сказочник поискал его глазами и обнаружил чародея в тенечке под деревом. Гобломант сидел на земле и жевал кашу с отрешенным видом. Таких выражений даже на самых что ни на есть мужественных мордах Сказочник успел навидаться. В основном у неопытных солдат, пребывающих в ступоре после первого тяжелого боя. А вот Лукавый Зим когда-то учил Сказочника: не забивай голову, словно какой человеческий философ, всякой пакостью – легче жить, а главное, воевать будет. Не тот гоблин пошел, не какой был в стародавние времена, все шевелить извилинами норовит... Раньше только отмашку дай – и понеслась бандера в бой до победного конца, а сегодня?.. Ну тот не тот, а даже гоблины при всей своей выносливости, какая и не снилась ни одной другой расе, склонны чувствовать предел. Другое дело – показывать усталость и опустошенность настоящий гоблин не имеет права. Особенно в солдатском ремесле.

– Чего грузишься? – спросил Сказочник чародея, плюхнувшись рядом.

– Тебе какое дело? – проворчал Гробовщик.

– Кислый ты какой-то, приятель.

– Ты больно сладкий! – Гобломант поглядел на него вяло и сумрачно, словно осел, которому до смерти надоело, что его заставляют идти.

– Ты кем был до войны?

– Не твое дело.

– Почему?

– По кочану, сержант.

– А все-таки?

– За такие расспросы у нас в свое время по лбу получали... – Гробовщик набрал полный рот каши, скривился, но выплевывать не стал. Чмокала готовил хорошо.

– А это где и у кого у вас?

Сказочник широко улыбнулся, обнажая клыки. Нижний слева был наполовину отломан.

Гробовщик покачал головой и вздохнул.

– Башня и грязные кастрюли, – сказал он.

– Чего?

– Я жил в башне и был слугой мага, человека... – сказал Гробовщик. – Попал к нему случайно – подобрал сердобольный дедушка на улице, а потом заставил отрабатывать баланду. Мыть, убирать, стирать, чистить кастрюли, посуду для лаборатории, кипятить в тазу его подштанники. Готовить даже, когда кухарка-курвица отгул брала. О, это был просто праздник какой-то. Интересно?

Сказочник не донес ложку до рта.

– Так это он тебя обучил чародейским штучкам?

– Ага, держи карман шире! Во мне он видел исключительно слугу. И с чего бы это ему думать, что какой-то гоблиненко может шарить в высоком искусстве? Пшик – и ни фига больше.

– Так это когда было?

– Давно.

– И...

Над деревушкой, жужжа, пролетел гоблинский самолет-биплан. Сказочник проводил его глазами. Кажись, разведчик.

– Он не знал, что я грамотный, поэтому даже не прятал от меня свои книги, – сказал Гробовщик. – Зачем? К тому же у дедули был склероз. Видел бы ты, чего он исполнял, когда находился не в форме, особенно после вчерашнего... хе! После его выкрутасов лаборатория всегда походила на большую помойку... Убираться в ней приходилось по полдня, а потом еще никакой благодарности. Придет, значит, хозяин, работу принимать, стоит под градусом, шатается, щурит глазки влажные... – Гоблин оскалился. – Затем перевернет стол с посудой и всяким прочим, который я только что привел в порядок, да как заскрипит, клоподав мохнозадый: почему беспорядок, в крысу превращу! Однажды меня достало, я стою и не двигаюсь с места, думаю: ну преврати, чего торчишь тут, преврати! Лучше крысой быть, чем у тебя в слугах!

– А чего не сбежал?

– Попробуй сбеги. Специальные чары он наложил на все окна и двери своей поиметой башни. Если я слишком отдалялся от нее, то начинало меня всего корезить, плющить и колбасить... не по-детски, Сказочник, колбасить. Представь самое могучее похмелье в своей жизни и умножь его раз в двадцать. Примерно вот так. С другой стороны, так и так бежать мне было некуда. Ни дома, ни своих-родных. Было как-то наводнение с Зримдалле, так все и потонули.

Сказочник скривился.

– Не повезло тебе, братан. Ну так не превратил он тебя в крысу?

– Не-а. Кишка у дедули была тонка. Его специальность-то при городе была связана с погодой. Трансформацию он так и не освоил за всю жизнь, хотя книг на эту тему в библиотеке его было умотаться... Бесталанщина, короче.

– Как? Бесталанщина? – захохотал Сказочник.

– Я знаю, чего говорю.

– Ну-ну...

– Не егози, сержант, все так и было! – пророкотал гобломант. – В Ямфельсе он погоду делал, штатный маг был, в масштабе графства. А если бы шарил в тех искусствах, которые в книгах его описываются досконально, то был бы, пожалуй, советником местного короля.

– Как же ты от него свалил?

– Не свалил, – мотнул головой Гробовщик. – Не мог я свалить, пока он жив.

– Значит, того... – Сказочник изобразил нечто: кому-то на кумпол опускается тяжелая палка десятисантиметровой толщины.

– Я думал об этом каждую ночь, когда лежал на куче соломы в тесной камерке. Строил планы мести дедуле, рассматривал разные варианты. Много раз у меня была возможность даже просто двинуть ему так, что он и костей бы вовек не собрал. Мог. И удрал бы потом из башни, ибо чары рассеялись бы после смерти хозяина. Одно удерживало – книги, знание. Я быстро смекнул, что умею кое-что, что природная сила есть... Знал о гобломантах от матери, потому как мой дед был одним из них. Надо было лишь терпеть, ждать, грызть свою неволю, подгрызать ее, чтобы скинуть в один прекрасный день...

Сказочник подумал, что Гробовщик гораздо образованней, чем принято думать. И гораздо загадочней. Многие вот так – на виду одно, внутри другое. Гоблины, отягощенные грузом знаний, как правило, скрывают сей «недостаток» от более традиционных своих собратьев, чтобы не стать предметом шуточек и разных утонченных издевательств.

– Хм... значит, так ты и научился чароплетению?

– Ну. Я таскал у старикана книги и читал по ночам. Читал, упражнялся, чувствовал, как пробуждается моя сила, день за днем. Новые заклинания стали получаться сами по себе, почти сразу, с первого захода. Однако магия это была человеческая, не своя... Я использовал ее лишь как таран, чтобы пробиться в глубину, чтобы манипулировать силами, подвластными лишь гоблинам.

Гробовщик посмотрел на сержанта, и взгляд его мигом потух, из голоса исчезло воодушевление; будто он решил, что слишком сильно приоткрыл потайную дверь.

Сказочник знал многих неплохих парней в этой войне, но большая часть из них погибла. В «Смердящем» он был всего полторы недели и не успел толком составить представление обо всех подчиненных. Рассказ Гробовщика вдруг сделался для сержанта чем-то вроде откровения (тоже, мать его, эльфийское словечко).

– Понятно...

Две следующие минуты были наполнены задумчивым чавканьем.

– Ладно, ты стал гобломантом, – не выдержал Сказочник. – Долго это заняло времени, учеба, в смысле?

– Не-а. Пятнадцать лет.

Сержант поперхнулся.

– А ты думал? Это тебе не кашу варить. И не в академии и не в школе магии я знания выцарапывал, и не в лесной общине, где гобломантов натаскивают, а, по сути, в плену у этого старого пенька. Ну и попутно строил планы мести!

– А дальше? Не томи, чародей!

– В тот день, когда я почувствовал в себе настоящую силу, когда выучил наизусть и тайком, чтоб им пусто, освоил три сотни заклинаний, я понял: надо действовать. Зажился дедуля в этом мире, угомониться и на покой вековечный отправляться не желает. План был

таков – проникаю я в светелку к магу и затыкаю ему нос и рот. Сопротивляться бы старый дурень все равно не смог бы. После этого я взял бы в рюкзачок самые ценные книжечки – и поминай как звали. Однако не по плану пошло, с вечера дедуля нарезался винца крепкого да спать пошел, я думаю, ну вовсе никаких проблем. Еле полуночи дождался, все уже собрал. Пробираюсь, значит, к магу в комнату. Вижу, он лежит, наполовину с кровати свесился, одна рука на полу, башка запрокинута, взгляд стеклянный. Сам весь побагровел, курвин сын. Дохлый, короче, оказался! То ли апоплексический удар по пьяни случился, то ли сердечный приступ – один хрен! – стал я вдруг свободным. Знаешь, от такой новости едва чердак не оторвало. Схватил свой скарб, книжки и дал деру. Выбрался из города, шел, почти бежал два дня, на север в Зримдалл. Там-то все свои, гоблин гоблина в случае чего не выдаст. Затаился, жду, но никто меня искать и преследовать и не думал. Такая вот бодяга, сержант. Теперь вот я чародей, служу в подземной пехоте... и думаю, какого хрена меня сюда занесло, на фиг мне нужен этот Злоговар?! Что за судьбина такая! Эххх...

Сказочник покосился на гобломанта. Именно сейчас откровение вполне могло перерасти в традиционный разговор «за жисть». В бытность свою рядовым в батальоне Лукавого Зима Сказочник вволю наслушался соплистых историй о далеком и прекрасном детстве и отрочестве. Здоровенные бугаи, способные одним своим видом насмерть перепугать слонопотама, на передовой становились удивительно сентиментальны. Их стенания иной раз дали бы фору любому декадентствующему эльфийскому хлыщу из высшего общества, где модно падать в обморок и прикидываться бледным юношей со взором горящим... Сам капитан Зим терпеть не мог подобного слюнтяйства и выкорчевывал эльфью манеру мотать сопли на кулак самолично своим железным кулаком. Ржавый пользовался той же методой и не допускал морального разложения рядов.

Интересно, собирается ли разложиться Гробовщик? То есть окончательно впасть в противный гоблиньей природе пессимизм? Пока Сказочник размышлял над этим, чародей поднялся на ноги и разогнул спину с хрустом и оханьем.

– Пойду за компотом, – сказал он.

– Эй, погоди, Гробовщик...

– Ну чего? – прорычал тот, поворачиваясь на каблуках.

– Почему ты пошел на войну? По мобилизации тебя ведь не брали?

– Нет. В Зримдалле я в списках не значился.

– Так кто тебя тянул? Деньги?

– Не-а.

Начал наклеиваться дождь, небо затягивалось сырыми, размашистыми, тяжелыми тучами. Вдалеке погромыхивало.

Гоблины потопали в сторону кухни, где рядом с котлом обосновалась кучка новобранцев.

– Так ты сказал, что на фиг тебе нужен... Злоговар! – прошептал Сказочник, останавливая Гробовщика в отдалении. – Зачем же тогда?

– Какой ты приставучий, Сказочник... Тебе надо было дать кличку Прилипала...

– У меня во взводе есть Прилипала... Это не ответ.

– Хочешь знать, почему я здесь? Наверное, тебе, умнику, это хотелось услышать? – скривился гобломант.

– Точно.

– Все просто. В отличие от других я точно знаю, когда и где сдохну. Произойдет это именно в Злоговаре!

Начался дождь, капли застучали по головам гоблинов.

* * *

Дело было так. Забрался Крот в окно к одной девице и намеревался хорошо провести времечко, как случилось уже не раз и не два за последние три недели. О да, ребята! Дочка у старейшины была ого-го, всем гоблиншам на зависть. Ладная, сильная, фигуристая дальше некуда, парни, вы бы увидели, так пальчики облизали!.. Ну вот, а темнота, всем известно, друг молодежи. Да схватила Крота девица горячая (в одной ночнушке, между прочим), да приобняла жарко, у бедняги чуть мозги не расплавились и штаны не превратились в вулкан. Сами понимаете. «Твоя я навеки, Кротик мой любимый!» – шепчет, обдавая жарким дыханием в ухо. «Деточка, – отвечает молодой и ядреный гоблин. – Я тебя поведу к самому краю Вселенной и... тому подобное... звезду подарю, рейтузы в полоску, килограмм соленых паучков, когда на ярмарку пойдем, выиграю в тире плюшевого человека... ты поняла, короче!» Гоблинша вздохнула и ответила, бросая возлюбленного на кровать: «Поняла, короче!» Словно в первый раз, тот самый первый раз... Крот почувствовал себя на самом седьмом из всех небес и наиболее счастливым гоблином на свете. В тот день, когда он нанялся на ферму к Горошнику, некие таинственные звезды соединились в сложную фигуру судьбы, которая позволила Кроту повстречать свою любовь. Фермерова дочка стрельнула в него глазами, когда он, молодой и красивый, возился с трактором, и их жаркие сердца, так сказать, склеились навек!

Уже в разгар любовной утехы, когда в целях соблюдения тишины гоблинша закусила подушку, послышался треск. «Чего это такое?» – спросил Крот, подняв голову от роскошных арбузных грудей красавицы. «Не знаю, – ответила та, – не останавливайся!!!» Они продолжили, ускоряя ритм своей любви, пока не случилась маленькая катастрофа с большими последствиями для обоих. Жила красotka на чердаке, надо сказать, довольно ветхом, главным образом страдающим хилостью половых досок... Даже обычная ходьба вызывала порой натужный скрип под лодыжками фермеровой дочки, чего уж говорить об энергичных и страстных играх молодых организмов. И это случилось. Под монструозный скрежет, скрип и хруст кровать с любовниками провалилась на второй этаж, пролетела четыре метра и со всей дури хряпнулась в нежилой комнате. Вслед за кроватью в пролом слетел целый ворох пакли, пыли, песка, скопившихся между перекрытиями, а также сломанные доски и тумбочка, свернутая вихрем любви с места и утянутая за собой. Она-то и приземлилась на макушку Кроту, когда тот, спружинив всем телом о немалые формы гоблинши, взлетел кверху и вернулся обратно. Несчастная тумбочка, хоть и была сделана из прочного дерева, не выдержала столкновения и разлетелась на части. Возлюбленная Крота, выпав в осадок от такого экстремального катапультирования, возлежала в чем мать родила на засыпанном мусором матраце и не могла вздохнуть. Наконец громогласно чихнула и... Голова Крота высунулась из-за края кровати. «Со мной порядок!» – сказал он, чтобы возлюбленная не волновалась. Что настоящему мужику тумбочкой по голове? Не такое бывало. Вот однажды Кроту в башку прилетел... Ну с ним-то было все в порядке, но вот девица чего-то захрипела. «Чего?» – спросил Крот, поднося свое ухо к ее ротику. Попыток сказать было несколько, и наконец одна увенчалась успехом. «Братья!» – прохрипела гоблинша, и тут до Крота дошло...

Дом наполнился грохотом, голосами, рычанием. Горошник с сыновьями никак не могли сообразить, то ли их ограбили уже, то ли еще в процессе, то ли на дом, по велению Богов Подземного Мира, брякнулся метеорит. В процессе поисков предположений высказывалось множество, но ни одно, конечно, не соответствовало действительности. Братья и отец знали девицу исключительно как личность целомудренную.

Крот, не отягощенный одеждой, ринулся в сторону предполагаемого окна. Сноровка, может быть, и помогла бы ему ускользнуть, но судьба распорядилась иначе. Окна на месте не оказалось. Гоблин врезался в бревенчатую стену так, что задрожал дом, и отлетел в другой конец комнаты. Там встретился с сундуком, что закончилось для последнего плачевно. Сундук развалился в тот миг, когда дюжие братья девицы высадили дверь и заглянули внутрь.

Здесь даже у самого здравомыслящего и степенного человека поедет крыша, не говоря уже о горячих гоблинских парнях. Увидели они удивительную картину. На кровати, которая по идее должна находиться на чердаке, засыпанная мусором, пристроилась закутанная в простыню юная особа. В потолке зияла дыра. У боковой же стены восседал голый Крот, причем восседал на чем-то, что когда-то называлось сундуком, обитым железными полосами. На зеленом лбу добра молодца уже росла здоровенная шишка – результат столкновения с крепкими бревнами.

«Это что за хреновина!» – вступил в комнату первый брат, самый старший из троих. Если он стоял в сумерках без движения, неопытный глаз, пожалуй, принял бы его за средних размеров утес. В лапище брательник сжимал исполинских размеров вилы.

«Хотелось бы знать!» – сказали два других брата – утесы поменьше, вооруженные один цепом, другой гаечным ключом.

Загремели небеса и земля, дом закачался. Протиснувшись в дверь, появился сам Горошник, которого родители не обделили ни статью, ни массой, ни мускулатурой. Известный в округе чемпион по гоб-рестлингу, фермер имел славу силача и драчуна. Не всякий тролль-тяжеловес осмеливался соперничать с ним в спарринге, не говоря уже о более мелких представителях собственной зеленой расы.

«Ну и кто мне что объяснит???» – раздался титанический рык.

И увидев папашу своей возлюбленной в таком расположении духа и одержимого подобной любознательностью, Крот понял, насколько зло судьба подшутила над ним. В лучшем случае ему светят чары гименея, а в худшем...

– Стоит он передо мной, ну что твоя скала, – рассказывал Крот, размахивая руками. – Не поверите, кишки у меня со страху змеями переплелись и к горлу поползли. Думаю, хана мне, кабздец, кранты и застёжечка сбоку!

Сидящие кружком гоблины поразвесили уши, а Крот, чувствуя себя в этот момент центральной фигурой сообщества, еще больше распушил перья. Заломил каску на затылок, положил ногу на ногу, сверкнул в ухмылке стальной фиксой.

Челюсти многих доблестных подпехов «Смердящего», куда Крот прибыл полчаса назад с группой новобранцев, успели отвиснуть до непозволительных пределов. От живописаний достоинств фермеровой дочки у многих с богатырских подбородков потекла слюна. Крот ощутил себя счастливым. Один умник сказал ему, что лучше всего завоевать своих корешей по подразделению – и быстро – какой-нибудь забубенной байкой. Особенно если это будет не байка, а правда. «Солдат, – добавил умник, – он любит, когда ему проедутся по ушам хорошей сказочкой».

– Наваляли тебе после этого? – спросил гоблин с замотанной головой, сидевший напротив.

– Нет, не наваляли, – подмигнул Крот. – А за что? За истинную любовь... нельзя бить!

– Не скажи, – отозвался другой, сворачивающий самокрутку грязными пальцами. – Жизнь – она такая стерва!

– Все закончилось хорошо. Насколько вообще возможно. Братцы-то хотели меня сначала вздернуть на воротах, потом посадить на кол, потом привязать к быкам, чтобы они порвали меня на две части, потом вырезать сердце – последний вариант особенно долго обсуждался... В общем, фантазии у них оказалось вагон и маленькая тележка, никогда бы не подумал.

Крот посмотрел на лица своих новоиспеченных однополчан. Не все поняли, в чем суть фразы. Видимо, многие были разочарованы, что дело не завершилось крушением черепов и выпусканьем ливера.

– Ну вот, а моя любовь меня и спасла! В тяжелые минуты жизни истинные, понимаешь, чувства всегда... ну того, приходят на помощь! Заслонила она меня своим телом и сказала, что если вырезать ему сердце, то участвовать в этом будет и она...

– Ну! – восхитился один из гоблинов, чистивший свой карабин.

– В смысле, что и ей тогда вырезать надо! – пояснил Крот. – У нас любовь! Понимать надо, а не хухры-мухры!

– Эльфы сопли! – сплюнул кто-то. – Брехня!

– Сам ты! – вякнули на него.

– Горазд ты заливать, парень! – махнул рукой гoblin со шрамами с левой стороны лица. – Все это ты насвистел!

– Я-то? – Крот полез во внутренний карман форменной куртки и вытащил на свет фотографию возлюбленной. – Смотрите, завидуйте!

Снимок пошел по рукам. Гоблины авторитетно кряхтели, присвистывали, качали головами. «М-да!» – говорил кто-то. «Недурственно, брат!» – гудел другой. «Бывает же!» – вздыхал еще один. «Круто!» – брякнул, облизываясь, самый лохматый. «Рыженькая... Зелененькая...» – пустил слюну с виду самый похабный.

Крот достал сигарету, закурил.

Изображенная на фото девица распушила длинные рыжие волосы и демонстрировала, кокетливо повернувшись вполоборота, очаровательно-зубастенькую улыбку. Платье гoblinши обтягивало непереносимо соблазнительные для солдата в походе формы.

– А как ее зовут? – спросил тот, кто чистил карабин.

– Гримма. А так – Маргаритка. Ну, хорошего понемногу, помните! – Крот выхватил снимок возлюбленной из солдатских лап, спрятал в потайном кармане куртки.

– Красивое имя, – авторитетно заявил чистивший ногти ножом пехотинец.

– И главное – редкое, – поддакнул сосед.

Всеобщий смех.

– Невеста твоя, говоришь? – ощерился ближний сосед Крота. – Так, значит, это и было твое наказание от ее братьев? Войнушка.

– Наказание? Да я сам вызвался! Между прочим, я и сам собирался!

– Ага! Скажи еще, что в перерывах между походами к ней ты не лазил в окна к другим лапочкам! Всю округу, поди, окучивал и только в одном месте попался!

– Да как пить дать!

– На морду его гляньте – ходок, мать так-растак!..

Гоблины заржали, Крот нахмурился. Шуточки насчет Маргаритки ему и впрямь не нравились. Тем более что была здесь доля правды. После того случая вспылал вдруг он к Гримме настоящими чувствами – ну прямо как в книжках; не понять было, в чем причина – то ли кулачки ее братьев и папаши, или же в самый раз – эмблема чувств и баллада внутри сурового гoblinьего сердца... Обручение с Маргариткой прошло официально, при свидетелях; Крот даже подписку Горошнику дал – мол, обещаю жениться, кровь из носу и серу из ушей... о чем невеста даже не знала. Поэтому прекратились параллельные Кротовы походы налево, и весь мир молодца сосредоточился на Гримме. Крот не мог узнать сам себя. В одночасье из свободного, как ветер, гoblinа он стал почти семейным, почти фермером. Ну это все лирика – четко понимал Крот только одно: откажись он от свадьбы, Горошник и его сыночки сделают из него начинку для компостной ямы. Патриархальные нравы в Тыквенной Пади не позволяли безнаказанно лишать девиц добродетели.

– Понятно! Сбежал на войну, чтоб не жениться! – под хохот брякнул один из гоблинов.

Крот собирался ответить, что ничего подобного не было, что это именно Горошник отправил его в Злоговар – заслуживать право жениться на его дочери деяниями настоящего мужчины, но из-под земли вырос сержант Мордоворот, перетянутый пулеметными лентами. Из рта у него торчала спичка, лысая голова блестела от нападавших за несколько минут еще нерешительного дождя капель.

– Ну что, бойцы, отдыхаем? – прорычал Мордоворот. Куча улыбок в одно мгновение потухла, гоблины сделали вид, что каждый занят чем-нибудь жутко полезным – вроде ковыряния в носопырках.

Один Крот продолжал витать неизвестно где и лыбиться на белый свет, словно абсолютно всем в жизни доволен. Сержант Мордоворот стерпеть этого не мог. В его представлении, хорошим солдат становился лишь тогда, когда забывал напрочь такие понятия, как юмор, сатира, сарказм и обычное гоблинское счастье.

– Ты! – Палец Мордоворота уперся в Крота. – Встать!

Солдат вытянулся по всей форме.

– Новобранец? – Сержант приблизился к нему на расстояние ладони, глянул сверху вниз.

– Так точно!

– Сколько времени в доблестной и непобедимой Армии Освобождения?

– Три недели!

– Ну-ну... Прибыл с сегодняшним дерьмовым пополнением, значит?

– Так точно!

– Сам ты откуда? Имя?

– Крот. Из Долбабая в Ширебое.

– В боестолкновениях участвовал?

– Не участвовал! Только стрельбы!

Мордоворот выплюнул изжеванную с одного конца спичку Кроту в лицо, она отскочила. Гоблин моргнул.

– Ты не на новом курорте и не на обоссанном пикнике, чтобы байки травить, боец!

– Так точно!

– Чего?

– Это не курорт и не пикник! – выпалил Крот.

– Наша доблестная, чтоб ей, Армия развивает наступление на засратые эльфьи позиции, – рявкнул Мордоворот. – Невзирая на мощное и отчаянное сопротивление хорошо подготовленного, мать его так, противника, мы продвигаемся вперед. Что ты обо всем этом думаешь, рядовой?!

– Мы пришли сюда, чтобы освободить Злоговар! И мы освободим!

Мордоворот крикнул от удовольствия.

– Правильно мыслишь, засранец! Политически верно, чтоб тебя подкинуло да сплющило! А из этого что следует, боец?

– Не знаю!

– Как это не знаешь? Должен знать – не маленький! Из этого следует, хомячья морда, что каждый новобранец должен, не жалея живота своего и всего остального прочего, постигать военную науку, устав, приобретать и оттачивать долбаные навыки ведения пехотного наземного и подземного боя! – Мордоворот выкатил глаза, словно краб, разве что на столбиках они не покачивались. Кто-то из гоблинов тайком зубоскалил, другие пихались локтями и кивали на Крота. Сержант был известен своим искусством докапываться до всех и каждого. Не повезло зелененькому, решили ветераны.

– Не собираешься ли ты оспаривать эту истину, рядовой?

– Никак нет!

– Тогда живо, бегодралом, на всех парах до вон того сарая! Внутри найдешь сраную лопату, с которой бежишь за бугор, где твои братья по оружию роют противотанковую траншею! – заорал Мордоворот. – И живо! Настоящий гоблин должен выполнять команду в пять раз быстрее, чем любой паршивый эльф, человек или гном! Вперед!

Крот сорвался с места, потом вернулся, чтобы забрать недавно выданную амуницию и оружие, и, ложась на указанный курс, споткнулся. Рухнув на пузо, Крот вызвал взрыв смеха. Мордоворот, потемнев физией, сжал кулаки и приготовил ногу, чтобы наградить недотепу увесистым пендалем. Новобранец вскочил и бросился к сараю. Сержант промазал. Инерция понесла его вперед, в результате чего Мордоворот плюхнулся навзничь. Крот улепетывал, только пятки сверкали, подстегиваемый яростным ревом опростоволосившегося вояки.

Гоблины ржали, производя шум, подобный колонне танков на марше.

* * *

Крокодил вернулся вечером, примерно в девять часов, когда дождь, взбесившись, обрушил на деревеньку тонны воды. Те, кто не был занят делом, попрятались, а сержантов и лейтенантов позвал в свою штабную палатку командир батальона.

Тусклый прицепил карту местности к деревянному щиту при помощи скрепок и для важности вооружился указкой. Крокодил удалился для подкрепления сил в сторону полевой кухни – после подробного донесения, конечно. Сведения, которые он добыл, оказались весьма неожиданными. И неприятными для подпехов.

Ржавый и Сказочник вошли одними из последних. Места им не хватило, в палатку набилась уже целая куча командирствующих амбалов. С дождевиков капала вода, воняло мокрым обмундированием, новой кожей шнурованных ботинок, табаком.

Лейтенант и сержант второй роты «Смердящего» пристроились, стоя у опоры палатки.

– План в целом остается прежним, – сказал Тусклый, поигрывая указкой, которая могла послужить эльфу весьма нетоненькой палкой, годной для рукопашного боя. – Здесь, здесь и здесь мы видим бетонные укрепления. Командование считает, что они невысокие и нам под силу одолеть их. Воздушная разведка докладывает, что с востока простирается болото, гигантские непролазные топи, напичканные неясной природной силой, что создает аномально высокий уровень некровоздействия – это уже мнение магов... – Гоблин пожевал губу. Безусловно, чтобы быть командиром, надо обладать хоть каким-то мозгами, но было похоже, что Тусклому влом пользоваться всеми этими словечками. Капитан все время кривил морду, словно в рот ему попала какая-то несусветная гадость. – С запада находится сильная группировка противника – там сейчас проводится крупная операция с участием вновь сформированного Семнадцатого Пехотного Полка, который вы видели сегодня... Таким образом, с двух сторон мы имеем непреодолимые препятствия. Выход для нашего батальона один – штурмовать Зону Фуин. – Указка Тусклого прошла по замызанной карте Южной Дурландии, очерчивая район береговых укреплений. – Поступили новые разведданные. Оборона противника в Зоне Фуин состоит из двух линий. Примерно в двухстах метрах за рекой есть дублер этих вот укреплений. Что мы имеем в итоге? Пять артиллерийских расчетов – две тяжелые мортиры 30,5 и три орудия чаро-калибра 20,5. На карте они отмечены красным. Здесь находятся гвоздеметные расчеты второй линии. Пять штук. Уже не десять, как в начале... – Шутка не удалась. До некоторых просто долго доходило. Гоблины пялились на Тусклого с непроницаемыми рожами, напоминая в неярком свете магической лампы древних щуров. – Плюс к тому есть не менее семи минометов. Также было отмечено, что группировка противника в Зоне насчитывает примерно тысячу рыл... И это, считаю, главная трудность для нас. Они хорошо укрепились, продовольствия и боеприпасов достаточно.

– Нас поддержат? – поднял руку один из лейтенантов.

– Поддержат с воздуха, но на многое не рассчитывайте. Авиация нужна в другом месте. Пара заходов, не больше, парни.

Гоблины заворчали.

– А Гробовщик был прав, – сказал Сказочник Ржавому. Тот скрежетнул зубами.

– Поэтому мордобой нам предстоит большой и смачный.

Такой прогноз гоблинам пришелся по душе: уж если драться, то по полной программе, чтобы заодно, не мудрствуя лукаво, разнести и полмира. Сражение есть стихия для истинного сына гоблинской расы, говорилось в трактате одного из могучих злоговарских полководцев древности. В большинстве случаев цвет «смердящего» офицерства было накласть на стратегические хитрости. У этих парней все было по-простому: плюнуть в кулак и с воплем в свалку. Времена, однако, диктовали иные правила ведения войны, и гоблинам приходилось учиться им прямо на ходу. Даже в самых навороченных и прогрессивных войсках – подземной пехоте, которая, конечно, не уступит новомодной выдумке – воздушному десанту, – тактическое мышление, основанное на расчете, приживалось со скрипом и насаждалось железными ручищами командования. О пехоте и говорить не приходилось. Неумение согласовывать действия и классическая манера гоблинской войны «стенка на стенку» стоили Армии Освобождения в первые дни войны значительных потерь. Все оказалось не так просто, даже после многомесячного планирования, подготовки и консультаций с гномскими и человеческими военными специалистами. Эльфы не без оснований полагали, что сумеют сбросить гоблинов в море в течение нескольких суток, и почти так оно и случилось, когда на Первый Десант в День Г Дети Цветов обрушились с неба, земли и моря. Но эльфюги не оценили упорства и крепости противника, его ослиного упрямства и непролазного оптимизма в самых отчаянных ситуациях. Если других нормальных противников превосходящее число врага озадачивало и пугало, то гоблины только загорались энтузиазмом. Так что слова Тусклого насчет трудностей имели вполне определенную цель: подстегнуть в офицерах жажду набить как можно больше эльфийских физиономий.

Сказочник чувствовал, как поднимается в нем волна героического воодушевления. Подпехи не терпели позиционных боев и сидения на одном месте. Да не только подпехи – гоблины-солдаты вообще. Как говорил еще Лукавый Зим: для нас важны две вещи, и они у нас в крови, откуда их не выцарапать никому и никогда, мужики! Буря и натиск!

– Значит, так, разъясняю всем и каждому. Третья рота идет здесь, закладывая крюк с запада, вторая рота прет по центру, первая – с востока. Четвертую, мать ее, делим, чтобы усилить три остальные. Вот здесь, здесь, здесь. Артиллерию подкатим на эту высотку, но будем менять местоположение... Минометы сюда. Убираем к такой-то матери гвоздеметчиков и лезем вверх. Уже на месте навязываем эльфюгам ближний бой, заставляем их драться врукопашную. В траншеях чтобы рыло в рыло! Добираемся до второй линии гвоздеметов. Таким макаром мы и оседлаем конька. Если куклы не смогут использовать артиллерию и минометы, считайте, мы выиграли.

Рукопашную гоблины любили. Никто и ничто не устоит против идущих в штыковую амбалов, тем более худосочные эльфы. У тех свои приемчики, но, как правило, исход драки оказывался не в их пользу. Весовые категории и габариты уж больно разнились.

– А нельзя нигде под землей пройти? – спросил командир третьей роты Жрун.

– По магическим данным, укрепления не имеют потайных ходов к берегу, другие же нам недоступны. Диггеры застряли в сутках пути отсюда. Мы не можем ждать проходческие машины, парни. Наступление должно начаться не позже чем послезавтра.

– А когда оно будет наконец? – блеснул глазенками один из мордovorотов с лейтенантскими нашивками, Десна.

– Если конкретно, то завтра на рассвете. Лодки приволачем к четырем часам утра. Проследите, чтобы каждая посудина была на ходу, ни одной хреновой щелочки и дырочки!

Всем гобломантам сегодня в полночь собраться на совещание. Нашим колдовским друзьям придется поработать, – сказал Тусклый. – Сигналом к началу атаки будет синяя ракета... В общем, парни, я вам одно скажу! – Капитан харкнул на пол, утерся рукавом. – По-нашему, по-простому! Все, что от нас требуется, это сломать и сжечь! Порвать эльфюг на мелкие кусочки! Больше ничего командование не требует! Чтобы духу их не было на Текучке!!!

Гоблины вскочили со своих мест и от прилива адреналина едва не свалили совещательную палатку. От их богатырского рева проснулось лесное зверье на многие мили вокруг. Часовые перворожденных на береговых укреплениях Зоны Фуин наострили уши, настороженно всматриваясь в южном направлении.

Сказочника и Ржавого вынесло из палатки и чуть не опрокинуло; они стояли у самого выхода и потому оказались на гребне могучей волны. Лейтенант скакнул в сторону от топчущего буйволиного стада и потянул за собой сержанта. Стадо прогарцевало в ночь и распалось на отдельные особи. Лагерь наполнился лихорадочным движением, как всегда бывает перед большим тарарамом.

А дождь все лил, превращая землю в кашу; она хлупала и чавкала под ботинками.

– И все это узнал наш Крокодил? – гаркнул Сказочник, чтобы перекрыть гул двигателей грузовиков, застрявших в грязи неподалеку. Возле камуфляжных тентов возились и орали матом солдаты. Оказывается, шла разгрузка боеприпасов.

– Я с Крокодилом с Первого Десанта. Он и не такое может. Оборотень он и есть оборотень...

– Откуда же он взялся?

– Таких специально выискивали. Надо же что-то эльфюгам противопоставить – у нас магия ого-го! СМЕРШ, говорят, занимается распределением оборотней по подразделениям. Но Крокодил тебе не скажет, откуда он; он как фигов шаман из глуши, а сдается, так оно и есть! Слова не вытянешь.

– Точно, – согласился Сказочник. – Что-то все наши колдовские кореша не от мира сего! Что за гоблины пошли! Знаешь, чего мне гобломант сегодня сказал?

– Ну?

– Он якобы знает, что точно крякнет в Злоговаре.

– А, это он про то, что увидел однажды, когда плел чары, раскрывающие будущее?

– Гробовщик тебе говорил?

– А как же!

– Так это правда? Ну что Гробовщик записался в Армию только из-за своих видений?

– А пес его знает! Но фаталист он тот еще!

– Это точно! Дальше некуда. Декадент распроклятый. Все от эльфов, вся зараза, что жизни радоваться не дает!

– Дык, ты филу... фисо... тьфу, философ, мать твою!

– Станешь тут!

– Короче, поддался наш колдун каким-то там дурацким миражам в миске с вонючим варевом! – осклабился Ржавый.

– Может, из-за этого он и бычится и стонет постоянно? – предположил Сказочник.

Лейтенант подумал.

– Ты прав, сержант. Если знаешь день и час своей смерти, то уже не до веселья!

– Завтра повеселимся! Заглянем к детишкам на огонек!

– Точно! Пошли! Дел по горло!

2

7 июня 1549 года

Зона Фуин

Над водой стелется густой туман, извивается, клубясь, выбрасывает из своего нутра широкие полосы маскировочной тьмы. Колдуны работают в ближней зоне. Копится напряжение. Умирающая ночь дрожит.

К воде скользят фигурки волокущих лодки подпехов. Все происходит в полном молчании.

Крот чувствует, как ботинки утопают в прибрежном песке. Бежит вместе со всеми наугад. С укреплений дозорные не могут их видеть, но и самим зеленым приходится рисковать. Тьма не препятствует им, но маскировочные чары скрывают противоположный берег.

Семенящие шаги, тяжелое дыхание. Крот волочит на спине базуку, стреляющую файр-болами в твердой оболочке, на плече висит камнемет, на бедре широкий нож для рукопашной, гранаты, лопатка. Споткнулся, каска, сволочь, съехала на глаза; ремни оказались плохо затянуты.

Вниз по склону, борт лодки шуршит по песку. Крот успевает заметить справа и слева толпы ссутулившихся фигур. Позади и сбоку чье-то ворчание. Оказывается, сержант Сказочник. Крот попал к нему во взвод, во вторую роту, которой предстоит штурмовать укрепления лоб в лоб.

Остановка. Новобранец вертит головой. Туман попеременно с тьмой подходит к линии, где завершают свой путь речные волны.

«Слишком тихо, – шепчет кто-то. Крот не уверен, но, кажется, этого здоровяка зовут Пила; у него за спиной огнемёт, емкость заряжена убийным чародейским варевом. – Ждут, как пить дать ждут...»

В четыре часа утра вода кажется тяжелее свинца, от Текучки распространяется холод, к которому примешивается дым от костров на эльфийских позициях. Кричат фантомными голосами призраки созданных магами ночных птиц, шелест воды усилен, чтобы скрыть от неприятеля передвижения штурмовых колонн.

Сказочник приказывает остановиться, сигналы распространяются жестами. Крот поправляет каску, утирает покрытое влагой лицо и частично смазывает боевой грим.

– Дрейфишь?

Бывалый гоблин за его спиной.

Крот оборачивается через плечо:

– Чего-о?

Из-под каски смотрит самый настоящий череп, воплощение смерти.

– Отставить! – Сказочник грозит кулаком. Бывалый гоблин все щерит желтые зубы.

Крот отворачивается, вцепляясь ногтями в набедренный карман штанов. Каждый мускул дрожит, требуя прямо сейчас сорваться на бег, в атаку. Хренова, хренова вода, проносится в голове Крота, ненавижу воду, мать ее...

Чего ждем? Гоблин гусает губы. Минуты бегут, нет, вроде бы целые часы.

Несмотря на всю колдовскую маскировку, становится ясно – подбирается рассвет. Небо светлеет очень быстро.

Слева и справа чувствуется движение. Вот сейчас, сейчас. Крот глотает слюну. Сейчас будет все то, о чем обычно треплются на привалах у костра. За всю жизнь Крот не прикончил ни одного эльфа. Здесь ему предстоит прикончить целую кучу. Один придурок еще на учебной базе однажды всерьез утверждал, что у Детей Цветов зеленая кровища.

Крот не заметил, как побежал. Ботинки ступили в воду, подпехи положили лодку на волны и начали запрыгивать в нее. Гоблин припал на левое колено. Почему-то вспомнилась Маргаритка. Она не хотела, чтобы Крот шел воевать в Злоговар. Наше потомство должно, по-твоему, родиться без отца, спросила девица. Но ведь Гримма знала, что именно ее папаша отправил его на войну. «Зато я паду как герой!» – имел неосторожность брякнуть Крот, за что удостоился тяжелой фермерской пощечины. Ну да, если сейчас мне разнесут башку, это будет весьма и весьма...

Гоблины взялись за весла и оттолкнули лодку. Крот обернулся, чтобы увидеть, что берег буквально покрыт живым ковром из подпехов. План работает четко. Пока.

Крот хватается свой шест, расставляет ноги для равновесия.

Река шириной сорок-пятьдесят метров. Кажется, что не так много, пока не начинаешь переправу. С этого момента кажется, что это не полсотни метров, а все пятьсот. Отталкиваешься от дна длиннющим шестом, налегаешь, потом снова и снова. Суденышко скользит и покачивается.

Туман обволакивает, поглощает лодки, двигаться приходится почти в полной мгле. Ничего не видно и на метр. Тихий плеск, чье-то сопение, покашливание, позвякивание и скрип амуниции. По сигналу сержанта гоблины чуть приостанавливаются. Высадка должна происходить одновременно, ни один транспорт не может выходить вперед и нарушать фронт. Крот чувствует прилив крови к голове. Шум в ушах. Ожидание невыносимо. Ничего похожего на грохочущие уличные побоища родного Долбабая.

Рассвет ближе и ближе. По мнению Крота, туман выглядит слишком искусственным. Ничего не происходит. Почему заминка?

Сказочник приказывает двигаться вперед. Лодка увеличивает скорость. Что-то упало в воду, подняв крошечный фонтанчик брызг. Потом это повторилось, рядом с правым бортом. Крот посмотрел вниз, потом услышал звук, похожий на стук камня по деревяшке. Вода покрылась целой сетью смешных фонтанчиков.

– Гвоздемety! – хрипит гоблин рядом с Кротом.

Вот же мать твою!

– Ждали, – отзывается Пила самодовольно. Еще бы – такая дальновидность.

Дюбеля прошивают воду, попадают в лодочные борта, но самих выстрелов не слышно; слишком далеко. Пробитая лодка начинает наполняться водой.

Вспыхивает небо. Синим. Летит вверх и начинает падать синяя ракета. Крот поднимает голову, не соображая, куда делся туман. В какой-то момент маскировочная завеса спала. Толку от нее не было – эльфы и так засекли переправу.

– Толкай! Толкай! – рычит Сказочник.

Гоблины налегают на шесты, до берега метров пятнадцать. Каких-то... Большая часть лодок держится на этой линии. Раздаются ответные выстрелы, пока что одиночные. Гвоздемety внутри дотов поливают огнем подплывающих подпехов, вода кипит от разрывающих ее дюбелей. В прорезях бетонных вздутый сверкают вспышки, Крот слышит лязгающий ритмичный кашель турельного оружия. На соседней лодке гоблин переворачивается вверх ногами, падает в воду, идет ко дну, даже не барахтаясь...

Огонь усиливается. Пила шипит. Дюбель отрывает ему кусок куртки на правой руке, рядом с шевроном «Смердящего» – оскаленной головой-тыквой.

Крот смотрит на воду, только на воду, словно прикидывая, можно ли по ней бежать.

Гоблины падают, пораженные свистящей сталью, и таких все больше. Тела покачиваются на волнах Текучки, но большая часть скрывается из вида, утянутая вниз оружием и амуницией.

Плеск воды перекрывается волной воинственного рева. Зеленые приходят в ярость.

На берег!

«Какая тут глубина?» – думает Крот, почти вслепую вонзая шест в дно. Не меньше трех метров – хватит досыта водицы хлебнуть. Прыгать рано.

Гоблин на лодке Сказочника падает на колени, когда заряды попадают ему в живот. Пила пробует его поднять, изо рта у того здоровяка на ботинки выпадает шмат крови.

Вибрирующий переливающийся свист. Мина рвется на полосе пляжа, вздымая кверху фонтаны песка и земли, кружится белесый дым. Крот приседает. Звуковая волна отзывается где-то у него в кишках.

Это че, так и бывает, чтоб вас всех скособочило?

– Кто шмаляет? – спрашивает Пила.

Дюбели свистят теперь со всех сторон. Чем ближе к берегу, тем огонь плотней.

– Хрен знает! – отзывается Сказочник. – Поднажми!

Нахлебавшаяся воды лодка потяжелела раза в два. Сказочник наклонился, снял с убитого подпеха оружие и боеприпасы и скинул тело в воду. Двигаться теперь легче. Мертвый гоблин поплыл лицом вниз, распространяя от головы рваный багровый шлейф.

Звук повторился – словно закрутилась поблизости, шипя и воя, огромная шутиха. Взрыв больше первого. Песок поднялся десятиметровым монстром, осыпался, натягивая по воздуху грязную завесу. Потом гвазднуло в воде. Лодку Сказочника качнуло, обдало водой и грязью, сержант свалился на мелководье, матерясь.

Пила прыгнул следом.

– На берег! Вперед!

Гвоздеметный расчет прямо по курсу сосредоточил огонь на самой лодке Сказочника. Не успевающие соскочить вовремя зеленые получают дюбелями в упор.

Крот падает на карачки, переваливаясь через правый борт. Его задевает несколько раз, но только ранец на спине, дважды дюбель бьет в лодочную доску, разбивая ее в щепы, возле левой руки.

Длинная очередь вырывает из гоблинов комки мяса, вскрывает гейзеры крови, дробит кости, валит подпехов друг на друга.

Кто-то хрипит, выдыхая последнее из пробитых легких, кто-то воет зверем, другой давит на каску, стараясь удержать вылезающие мозги.

По самый подбородок в воде Крот ползет к берегу. Сзади накатывают другие лодки, слышны выстрелы гоблинских камнеметов. Кто-то отдает приказание: бежать, цепью, гады, цепью, не тормозить, ближе к ним, ближе, сукинсыны!

Тут же кто-то визжит, словно свинья, ощутившая на горле только что отточенный нож.

Взрыв. Совсем недалеко от Крота. Волной кровавой воды ему захлестывает разинутый рот. Впереди плюхается четверть чьего-то тела. Висит на ниточке зеленой кожи нога.

Отплеываясь, Крот ползет, боясь подняться. Песок взрывает то одиночными плюхами, то целыми стежками.

– Наши бьют!

По высокой траектории снаряды и мины устремляются за бетонные укрепления и ложатся там. Можно видеть взлетающие кверху обломки бетона, пыли и чего-то не совсем ясного.

Эльфья мина пикирует. В десяти метрах от Крота, позади, лодка с подпехами взрывается, раскалывается на несколько частей; все летит вверх тормашками: внутренности, фрагменты тел, оружие, – детонирует ящик с гранатами.

Первая волна переправы почти вся выкошена. Мелководье усеивают трупы. Крот поднимает голову, видя, как подпехи, пригибаясь, бегут на берег; дюбели сшибают их с ног, толкают, поднимая микровзрывы песка. Кровь брызжет яркими каплями.

Мины рвутся среди бегущих. Подхватывает кого-то, переворачивает в воздухе. Остальные продолжают гонку под дождем песка и земли. Крот замечает солдата, который метров десять мчался с оторванной головой и стрелял на ходу.

Артиллерия «Смердящего» сосредоточивает огонь на дотах, снаряды один за другим врубаются в основание одной из башенок. Бетон шрапнелью сыпется на атакующих. Те падают, спеша укрыться. Сержанты машут руками, отдавая команды, но их не слышат. Вся песчаная коса плотно простреливается. То одного, то другого подпеха пробивает насквозь. Самые хладнокровные умудряются стрелять в ответ, невзирая на неудачный угол поражения. Наиболее сообразительные из хладнокровных используют зачарованные гранаты – те прилипают к стенам укреплений и лопаются яркими вспышками. Впрочем, толку немного. Фортификационные заклатья эльфов не так-то просто сломать.

Крот уговаривает себя подняться, ему кажется, что он провел в таком положении – на четвереньках – не один час. Шмяк! Шмяк! Дюбели толкаются в песок почти ласково. Песчинки попадают Кроту в глаза.

Встать! Он представил себе рев сержанта Мордоворота, благодаря которому пять часов подряд вкалывал на сооружении противотанковых траншей.

Мираж подстегнул, заставил встать, побежать, переставляя тяжелые непослушные ноги. Песок вяжет шаги.

Рядом с Кротом бегут зеленые с других лодок. Он умудряется орать в унисон, стаскивает на ходу камнемет с плеча. Ну теперь кто кого, ублюдочные пожиратели капусты!

– Ближе к укреплениям! – орет Сказочник откуда-то. – Гранаты зашвыриваем в амбразуры! Где, уроды сучьи, лестницы...

– Что ж они творят! Мы же идем! – ревет Пила, несущийся широкими шагами. Дюбель съездил его по каске, сдвинув ее на затылок.

Огнеметчик послал в адрес эльфа смачное слово, которое Крот никогда в жизни не слышал, и прибавил хода.

Снаряд, пущенный с дальних холмов, попадает в амбразуру справа, почти что в отверстие. Гвоздемет замолкает, изнутри валит черный дым, словно монструозная змея выползает из норы. Гоблины поддерживают выстрел. Карабкаются вверх по насыпи, увязая в грязном песке.

Некоторые подпехи успевают устроиться у самого основания насыпи, корчатся, машут тем, кто отстал.

Крот мчится скачками. Так он бегал только в детстве. Мина взрывается сзади, глуша предсмертный вопль. На плечо падает что-то липко-песочное, по каске стучат комки то ли земли, то ли чьего-то мяса.

Гоблины рассыпаются кто куда. В ушах стоят звон и гул, внутри черепа словно перекачиваются здоровенные металлические шары.

– Туда! Туда! Слышишь?

Кто-то верещит и тянет в сторону. Крот автоматически меняет направление бега. Два гоблина рядом получают очередь из гвоздемета, Кроту в глаза летит кровь. Убитые валятся со всего маху, нелепо переворачиваясь на влажном багровом, остро воняющем песке. Крот обнаруживает, что ступает на пленку из внутренностей, дерьма и мозгов. Частями тел играют речные волны.

Кто-то тащит его, кричит, но слов Крот не различает. Взрыв расцветает почти у него под ногами. Не выпустить оружие! Ох и долбануло по ушам, думает Крот, подлетая. Глаза забивает кровью и грязью, он ничего не видит, не соображает, где небо, где земля. Тяжести за спиной не чувствуется – до той поры, пока он не обрушивается обратно на песок...

* * *

– Пила! Пила! – Сказочник подползает и хватает лежащего подпеха за шиворот. Обоих осыпает песком. – Бери гранату, отойдешь, и швыряй туда! Только ты с этим справишься!

Сержант тычет рукой вверх. Прямо над ними возвышается бетонная башенка, из которой без устали строчит гвоздемет. Участок берега перед ней завален трупами гоблинов, перворожденные не дают приблизиться лодкам второй и третьей волны. Крови все больше. Хаоса добавляют минометы. Воронки от взрывом наполняются кровавой кашей.

Грохает совсем близко. Подпеха, уже почти достигшего насыпи, разрывает на три части. Его карабин с насаженным под дуло штыком приземляется в полуметре от Сказочника.

Все ближе. «Скоро мины будут рваться прямо здесь», – думает сержант, выискивая глазами радиста.

Где, интересно, обещанная авиация? Ночь ретировалась, и пора бы взяться за эльфов всерьез.

Солнце всходит, насыщаясь алым. Будто раненое.

Сказочник сжимает зубы до боли.

Если первая линия будет продолжать в таком духе, атака в лоб не будет иметь никакого смысла. Те, кто сможет пробраться за стену, не сумеют одолеть такую эльфийскую ораву.

Пила вытащил липучие гранаты, бросил рюкзак с огнеметом, чтобы не мешали, присел на корточки, примериваясь к амбразуре.

– Сержант, нам не прорваться! – вцепляется в Сказочника один из новобранцев. – Надо отойти, чтобы этих из пушек расхерачили! Бесполезно!

– Куда это ты лыжи наострил! – Сержант вытягивает руку, чтобы схватить собирающегося ползти обратно зеленого. – Я тебе покажу пушки! Командующий выискался, твою мать!

Рывком сержант возвращает рядового на место и дает ему очень даже неласковую оплеуху. Каска слетает и катится по песку. Гоблин делает круглые глаза, словно у испуганного детеныша, но они тут же наливаются яростью.

– Вот так, брат! Вот это другое дело! – рычит Сказочник. – Что, передумал ретираду стратегическую устраивать?

Взрыв почти срезает конец фразы, гоблины приникают к земле.

– Ну?

– Передумал! – ревет гоблин.

– Как зовут, засранец?

– Мормыш!

– Так, слушай мою команду, Мормыш! Ползи куда хочешь, кроме того места, куда намыливался, и найди мне радиста! Срочно! Пошел! Жопу ниже!

Пули все так же шарят по песку. Мины подбираются к основанию укреплений, где залегли «смердящие». Земля вздрагивает.

Ругаясь во весь голос, Мормыш ползет вдоль штабелей подпехов на поиски радиста.

* * *

Пила выжидает момент и с двумя гранатами, связанными лентой, выбегает на открытое место. У него несколько секунд до того, как его срежут прямой наводкой. Рыкнув, подпех замахивается и бросает гранаты-липучки вверх.

Стрельба прекращается.

...Эльф с чумазым, почти детским лицом под большими очками жмет на курок. Ничего. Передергивает затвор. Машина молчит. Передергивает дважды, обжигая пальцы о разогревшийся металл. На полу, свернувшись, точно змеи, лежат пустые ленты из-под дюбелей; повсюду металлические коробки для боеприпасов. Эльф оборачивается через плечо. Он не заметил, как подающий исчез. Позади – дверь, внутри укреплений шум, кто-то бежит, кто-то кричит, отдавая приказы. Пулеметы бьют по берегу, стараясь не подпустить атакующих гоблинов близко.

– Dael, voort! Voort! Yas'tea opi xobre!¹

Эльф открывает в нижней части гвоздемента небольшой отсек, где находятся генерирующие пусковые чары кристаллы. Один из них треснул из-за перегрева и слегка вышел из гнезда-замочка.

– Dael!

В какой-то момент стрелок ловит паническую мысль: что если зеленые уже взяли укрепление и он остался здесь один? Эльф срывает с лица очки, бьет ладонью по выскочившему кристаллу. Чары искрят, царапая кожу. Трещина еще не страшно. Вот если один из кристаллов полетит целиком!

Закрывает крышку, дернуть затвор.

Взгляд вперед. Прикушенная губа. Гоблины прут, несмотря на шквальный огонь. Санитары умудряются выволакивать раненых, хотя их самих подсекают на ходу. Трупов не меньше четырех-пяти десятков. Каски, рюкзаки, оружие усеивает берег.

Восходящее солнце освещает вспененную багрово-черную воду.

– Opi faerae swoor lasu! – взвизгивает подавальщик. Эльф влетает в дверь с двумя коробками гвоздементных лент. – Knay brae ofteerk xonol!²

Мина падает на скопление гоблинов, прыгающих из лодки на берег. В воздух фейерверком взлетает целый набор из частей тел и обломков дерева.

– Inkaer cirin tren! Tebenn iibo! Gaes knay?!³ – кричит гвоздементчик.

– Lae, Glor, faby lattua! Knay xullea mer anooras – od'wumon! Gnuenn e Lafk hennk, bostis no ae morsnok!⁴

Даэль укладывает ленту в горячий казенник дрожащими пальцами, косится в амбразуру. Отвратные зеленые рожи, расписанные полосками грима, заполняют все большее пространство.

И наступают, невзирая на огромные потери.

– Moart!⁵ – Подавальщик бросается к двери и исчезает в коридоре, откуда тянется дым.

Глор направляет «эльронд» на зеленых, бегущих чуть наискосок в сторону его дота; ствол разражается очередью. Два гоблина падают, кровь вытягивается струей; одному сносит полголовы, другому отстреливает ногу в районе колена.

Глор издает радостный вопль, но оружие снова заклинило. Эльф стучит по нему рукой.

– Dael! Dael! Cirin!⁶

По амбразуре лупят из ручных камнеметов. Бетонная пыль осыпает Глору лицо.

Две связанные между собой, снабженные липучими чарами гранаты появляются в узком отверстии снизу. Без труда пролетают сквозь щель шириной в тридцать сантиметров. Падают на пол. Катятся по свернувшимся лентам.

---

¹ Даэль, сюда! Сюда! Эта штука не работает! (эльф.)

² Не подпускай их близко! Они уже под насыпью! (эльф.)

³ Один кристалл треснул! Неси запасной! Где они? (эльф.)

⁴ Погоди, Глор, надо зарядить! Они подбили шестой расчет – из пушек! Гнуэнн и Лафк мертвы, там еще есть убитые! (эльф.)

⁵ Иду! (эльф.)

⁶ Даэль! Даэль! Кристалл! (эльф.)

Эльф смотрит вниз, моргая, длинные ресницы дрожат; дергает ногой. Гранаты прилепляются к ней намертво. Гвоздеметчик кричит, пиная стену, стараясь избавиться от них.

Даэль вбегает в тесную комнатку дота с запасным кристаллом в руке.

Глор с криком ломится мимо него к выходу. Подавальщик, сбитый с ног, падает навзничь. Гранаты взрываются.

...Пила прыгает на прежнее место, держа каску руками.

– Ну?

Мины продолжают рыхлить берег. Процент точных попаданий вырос. Две волны атаки уже захлебнулись в речной воде и крови. Несмотря на это, все больше подпехов появляется под насыпью, вне пределов досягаемости «эльрондов».

Пила отбросил от себя принесенную взрывом руку.

– Готово, попал! Внутрь! Замолкли, суки!

Из щели амбразуры с грохотом вытягивается сноп бетонной крошки, дыма и неузнаваемых фрагментов.

– Вторая, вторая! – орет кто-то сбоку.

– Двух «эльрондов» нет! – слышит Сказочник вопль капитана первой роты. – Лестницы тащите!

Гарь. Дымовое облако накрывает залегших у насыпи гоблинов. Дюбели бешено жужжат над головами. Вой. Ор. Ярость борется с болью.

Глухие удары стали о песок.

Пила сплевывает, скалясь в усмешке.

– Сержант! Надо подняться! Там я возьму свой огонек и вжарю этим малохольным! Теперь у нас есть дыра! Воспользуемся!

Приходится орать.

– Давай! Вон лестницы! – Сложив руки рупором, Сказочник зовет ползущих к насыпи рядовых. Завидев его, они встали, потрохали, сгибаясь, одного тут же скосило очередью. Сорвало каску, часть мозга шлепнулась рядом с телом, похожая на кусок красной рыбы.

* * *

– Радист! Сержант ищет радиста!

Мормышу приходится ползти едва ли не по трупам, его отпихивают, рычат. Где-то попластунски, где-то на четвереньках – через мертвых и живых, попадая коленями и руками в грязно-кровавое месиво.

– Куда прешь, придурок! – Перед Мормышем выкаченные глаза и квадратный клыкастый оскал. – Правый фланг в полной жопе! Куда?!

Эльфы на амбразурах смогли поставить гвоздемety так, что теперь достают тех, кто прорвался и залег у основания бетонной стены.

– Радист мне нужен! – Мормыш дергается, когда дюбель оцарапывает левую ногу. Словно здоровенная оса жалит плоть.

– Пошел ты! – Квадратный клыкастый оскал машет на него рукой. В это же мгновение рыха гоблина разлетается осколками и лоскутками кожи.

Неподалеку, матерясь на чем свет стоит, подпех прижимает к себе культю.

Мормыш ползет дальше. Санитар с помощником перебинтовывают плечо солдату с окровавленным лицом. Тот похож на мертвеца. Бах! Мина лопаается метрах в пяти от Мормыша. Кого-то отшвыривает, коверкая в полете. В уши рядовому словно вбили по острому металлическому костылю, боль пронизывает мозг. Перед глазами запечатлелась круговерть из песка, дыма, пыли.

Санитар лежит без головы. Его помощник бьется в агонии, выплевывая пузырящуюся красную пену. Перебинтованный, без сомнения, мертв.

Участок высадки первой роты похож на бойню под открытым небом. Перевернутые, разбитые лодки, изуродованные мертвецы. Кишки, растянутые лентами, похожи на гирлянды, которыми украшают елки в праздник Йоль. Мормыш прикидывает – там не меньше тридцати-сорока трупов, первая волна высадки почти вся уничтожена.

Мормыш останавливается, вздрагивая каждый раз, когда дюбель взвизгивает рядом.

Радист, скрючившись, залег в воронке поблизости. Живой пока еще. Мормыш ползет вперед, ему приходится перемахнуть через нижнюю часть чье-то туловища. Подпех, лежащий рядом, к удивлению Мормыша, поет какую-то песню, причем не то что боевую, а похожую на знаменитую «Выпей со мной, малышка!».

– Эй, ты радист? – Гоблин тормошит солдата за плечо.

– Ага! Первая рота, четвертый взвод!

Радист моргает, считая, что перед ним офицер. Гоблин этот похож на недозрелый стручок.

– Идем! Ты нужен во второй, нашего грохнули!

Гоблин тычет рукой в сторону реки.

– Сержанта и лейтенанта разорвало, там они, в куче! Где тут офицеры, я не знаю!..

– Я тебе говорю! – Взрыв неподалеку, до гоблинов долетает мокрый красный песок. – Ползи, ты нужен второй! Пошли, а то врежу!!!

Гоблин схватился за рацию – прямоугольный, обитый железом ящик с магическими камнями внутри – и последовал за Мормышем.

Еще одна попытка высадиться с востока, лодки идут через Текучку под прикрытием огня стрелкового оружия. Палят почти все, направляя огонь камнеметов на амбразуры; лишь двое-трое, самые сильные, толкают лодки шестами. Орудия с гоблинского берега бьют прямой наводкой, присоединяются минометы. Зеленых осыпает обломками и валами вывернутой земли. Подпехам приходится сдавать позиции, чтобы не быть раздолбанными окончательно, уже своими. Ругань и вой поднимаются до небес.

Мормыш оборачивается на краткий момент. Позади него сплошные трупы. Радист с целеустремленностью автомата ползет вперед. В поле зрения попадает солдат, присевший на одно колено, на его плече трубка базуки. Шварк – и фэйрбол в оболочке ракетой несется к амбразуре. У края щели раскрывается бетоном и огнем inferнальный цветок. Еще двумя «эльрондами» меньше. Пользуясь открывшимся коридором, солдаты первой роты бросаются к укреплениям, таща с собой лестницы и ящики с боеприпасами.

Над верхним краем стены появляются головы эльфов. Огонь возобновляется, только не такой интенсивный. Вражеские карабины мечут металлическую дробь, ручные мортиры выбрасывают навстречу атакующим гоблинам снопы раскаленных искр, выжигающих одежду и плоть. К прежней вонь добавляется гарь от обожженного мяса.

Строй бегущих разваливается, подпехи, отстреливаясь, шмякаются на песок. Командиры делают знаки руками, видны распахнутые зубастые рты.

Короткими очередями лают камнеметы, сухо кашляют карабины. Зеленые с новой силой кидаются на штурм стены; их прикрывают, сшибая одну эльфью голову за другой. Прямое попадание вызывает неровный краткий фонтан крови. То один, то другой обороняющийся запрокидывается, исчезая за гребнем.

Гоблины ревут, вскидывая оружие. Самая крайняя гвоздеметная точка, замолкшая на несколько минут, вдруг оживает. С глухим «плумм» дюбели влетают в толпу, поражая всех и вся без разбора. Подпехи падают друг на друга, теряя каски и оружие. Слово конфетти, во все стороны кувыркаются вырванные сталью комочки мяса.

Мормыш встал и побежал, заставляя то же самое делать радиста. Тот споткнулся, но упасть ему не дали.

– Сержант! Сержант! – орет сквозь канонаду и непрерывную стрельбу Мормыш. – Я радиста привел!

У Сказочника кровь на щеке, сочится из глубокого пореза, зверская физиономия покрыта слоем грязи. Глаза дикие, жаждущие убийства.

– Давай сюда, парень!!! Мормыш, найди мне лейтенанта Ржавого! Вперед!

Подпех уползает.

Гоблины налаживают лестницы. Шестеро солдат за их спинами непрерывно простреливают зону над гребнем стены, чтобы не дать перворожденным высунуться и помешать штурму. К берегу тем временем причаливают все новые и новые лодки. Эльфы отчаянно поливают их огнем, но воспрепятствовать продвижению уже не могут.

– Дай мне, включай! – рыкнул сержант, отбирая у радиста микрофон. Рация тускло мигнула несколькими лампочками. – Прокруст! Прокруст! Вызывает Каюк! Как слышно? Мы пробили дыру в их обороне, начинаем штурм! Срочно поддержите нас артиллерией и авиацией! Обработайте внутреннюю зону, чтобы мы могли войти в нее и закрепиться. Иначе нас на хрен просто сбросят вниз! А-а, слонопотам вонючий! – Сержант выпучивает глаза, замечая что-то рядом с собой.

Сверху падает граната.

– Ложись!

Словно лопается здоровенный кожаный пузырь.

Крик. Хриплый вой. Двоих посекло осколками, одного отбросило с оторванной по бедро ногой. Пила стоит на карачках и трясет головой, издавая натужные хрипы.

– Пила! Пила, твою мать! Наверх! Быстро наверх! Ты, ты и вы трое! – Сказочник перекатился на другой бок, указал на лежащих в ряд гоблинов.

Пятеро бегут к лестнице и карабкаются вверх один за другим. На очереди еще десяток – подползают, подбегают, давным-давно созревшие для настоящей драки...

Повсюду налитые кровью глаза.

– Заградительный огонь! – командует Сказочник. – Туда, чтоб ни одна мразь не высунулась. Добавьте пару гранат! Живей, шевелите помидорами, тормоза!

Вскочив, Пила уже натягивает ранец с емкостью для огнемета.

– Дайте три минуты! Только три минуты! – говорит он. – Авиация будет, командир?

– Гном их знает!

Сказочник тянет к себе скорчившегося рядом радиста. Гоблин откидывается на спину. Фонтанчик крови еще бьет из горла, рассеченного осколком. Второй осколок засел глубоко внутри рации.

– Дерьмо!!! Блядское сраное дерьмо!!!

Сержант вскакивает, не обращая внимания на взорвавшуюся в десяти шагах новую мину.

– Все за мной! Чтоб я сдох, если собираюсь здесь сидеть до вечера!!! – Из его рта летит слюна.

За гребнем стены исчезают первые два подпеха.

– Вперед, смердящие!!! Вперед!!! Смерть эльфийской сволочи!

Лестница дрожит под ударами ног. Два гоблина придерживают ее слева и справа.

За гребнем стены начинается рукопашная свалка. Эльфы-пехотинцы встают на пути обезумевших гоблинов. Их сбрасывают в окопы, долбя прикладами, насаживая на штыки. В полном беспорядке защитники укреплений разбегаются в разные стороны; пробуют организовать, но даже те немногочисленные подпехи, что проникли за стену, мешают им дей-

ствовать эффективно на собственном плацдарме. Для эльфов такое быстрое продвижение врага стало полнейшей неожиданностью.

* * *

Гулкая тишина. Руки шарят по мокрому песку. Почти ничего не видно. Только вибрация. Мины продолжают рваться, вода брызжет Кроту в лицо.

Открывая глаза, гоблин видит небо. Солнце ползет вверх, от предрассветной мглы не осталось и следа.

Боли нет. Тянувшее тупое ощущение во всем теле. Звуки появляются не сразу и искаженные, точно пробиваются сквозь толщу воды. Но он ведь на земле. На берегу.

Чья-то рука хватается Крота за локоть, волочит по песку, оставляя глубокий след. Гоблин кое-как протирает глаза. Из горла вылетает пронзительный вопль, и движение прекращается.

Возникает чья-то озабоченная зеленая морда. Какие-то жесты и слова. Вновь волочение. Крот поворачивает голову влево. Лежащие среди трупов подпехи стреляют из камней. Вдалеке речная вода поднимается рваным закрученным столбом. Что-то похожее на голову в каске взмывает по высокой дуге. Крот уже видел такое. То ли пять минут назад, то ли год, но этого точно не было на ферме...

Вспоминается Маргаритка. Значит, она знала про все это дерьмо.

– Везунчик! Везунчик!

– А ну, давай, туда его, вон где воронка!

– Мина долбанула прямо под ним...

– Видел.

– Эй, чего не улетел домой к мамочке, боец?! Второго шанса не будет!

Смех.

Смех?

Дюбели бьют в песок совсем рядом.

Гоблины матерятся.

– Давай, волоки, волоки, пока нас тут не раскроили на галоши!

Тянут двое. Крот по-прежнему не чувствует своих ног и вообще тела ниже пояса. Из уха течет горячая кровь. В то, где крови нет, лезут звуки, и они все громче.

– Кажется, наши уже на стенку лезут!

– Еще бы не полезть!

– Уф, ну и тяжел, молодой!

– Базука, мать ее, и боеприпасы. Навешали на тебя, парень!

Остановка, кто-то похлопывает Крота по щекам. Из тумана проступает морда Прилипалы. Крот с трудом узнает его.

– Во! Очухался! Слышь, у нас работы умотаться... Просыпайся, белоснежка!

Вторая морда. Кажется, Слизняк. Задумчивый взгляд, почти умиротворенный.

– Боец! У нас каждое рыло на счету! Вставать будешь?! Наши уже за стеной!

– Подъем, брат!

Оказывается, он уже на коленях, стискивает в руках базуку. С подбородка капает кровавая вода.

– Заряжайте...

Кто это говорит?

В поле зрения, покачиваясь в сизом дыму, возвышается бетонная башенка.

– Кажется, они нас не видят. – Слизняк смотрит на амбразуру через прицел камня. – Давай, жажнем!

Крот пристраивает базуку на плечо и чуть не опрокидывается вправо. Прилипала хватает его сзади за плечи, вставляет в ствол цилиндр оболочного фэйрбола.

– Ну, Крот, покажи класс!

Почти закрыв глаза, гоблин давит на курок.

Отдача кидает его на спину, заставляя свалиться на песок и Прилипалу. Тот матерится.

– Есть!!! – верещит Слизняк.

Глядя на дот, Крот опирается на локоть. По сути, он бил наугад, ни на что не надеясь, но умудрился вцепиться в десятку.

Ярко-красный шар размазался по амбразуре, и огонь полез внутрь, сжигая стрелков. В общем гвалте криков почти не слышно.

Зеленые на берегу уже гарцуют к укреплениям, волоча лестницы и стреляя на ходу. Дот горит, из прорези в бетоне валит черно-золотистый дым.

– Бежим! Крот!

– А?

Контузия не дает нормально соображать. Крот не осознает до конца, насколько ему повезло. Взорвавшаяся под ним мина не оставила на нем ни царапины, лишь порвала одежду в некоторых местах.

Прилипала со всей силы тянет Крота на себя. Чтобы не упасть, приходится энергично переставлять ногами. Один конец базуки тащится по песку, оставляя влажную бороздку.

Повсюду беспорядочные крики, выстрелы, но стреляют свои – прикрывают карабкающихся на парапет зеленых. Взрывы гремят в глубине зоны укреплений. Гоблинская артиллерия кладет снаряды по высоким воющим траекториям.

Крот, Прилипала и Слизняк добираются до сгрудившихся под насыпью солдат. Крот плюхается на песок. Хочется плевать. Удивляя сам себя, он делает это незамедлительно.

– Эй, потише!

Прилипала отскакивает, чтобы рвота не попала ему на ботинок.

Появляется сержант. Не Сказочник, другой. Садится на песок, изрыгая проклятия в микрофон, требует авиационную поддержку, чтоб их там в штабе всех разорвало!.. Где самолеты?

– Не будет самолетов, – спокойно говорит измазанный кровью гоблин. Подмигнул Кроту. – Давно бы уж прилетели... Потом, конечно, найдут стрелочника и миллион сраных причин!

Подпехи карабкаются наверх, уцелевшие амбразуры продолжают вести яростный огонь, но теперь у штурмующих есть возможность обойти зону обстрела. Толку от дотов теперь почти никакого. Наверху и позади них уже всюю кипит бой.

У Крота трясутся поджилки. Несколько раз он вскакивает, не в силах дожидаться своей очереди на лестницу. В голове проносятся жуткие сцены, в которых он размахивает почему-то здоровенным двуручным мечом (зов предков, что ли?) и поет кабацкую песню, раздевшись по пояс...

Окровавленный гоблин кладет тяжелую ручишу ему на плечо.

– На тебя еще хватит... Эльфюг там до фи́га и больше, парень. Никуда не денутся.

Крот криво усмехается, стараясь показать, что он крутой парень. Он и вправду считал себя таковым, пока не оказался в лодке первой волны атаки. Бывали ребята и круче, но им без труда выпустили кишки и выбили мозги; лежат теперь в разобранном виде, отдыхают в вечной халяве, и запчастями их усеян весь берег...

– Не давать гадам ни секунды передыху, поняли? – ревет во все свое бычье горло сержант из третьей роты. – Валите всех и каждого, гвоздь и камень всему, что движется! Сломать и сжечь! Чего ждешь, пошел!

Это Кроту.

– Так точно!

Вскочить, сжимая базуку, кинуться к лестнице, утопая в песке, чуть не подвернуть левую лодыжку, столкнуться по пути с другим зеленым.

– Бей эльфийскую гадину! Дави!

Раззявленная пасть.

Вот это клыки, успевает подумать Крот, подхватывая крик.

Карабкаться по шатающейся лестнице на бетонный массив, иссеченный осколками и прямыми попаданиями, покрытый слоем грязи и крови. Перекладина за перекладиной. В глаза сыпется песок.

Уже наверху. Перевалить через сорокасантиметровой толщины парапет, плюхнуться тяжелым рюкзаком на спину, увидеть, как через тебя перепрыгивают рычащие подпехи. Рядом уже кто-то лежит. Эльф. Рот оскален, в нем полно грязи; видны маленькие острые зубки, часть щеки оторвана, кровь подсыхает, одного глаза нет – это каша, половина которой лежит в пробитой каске. Рядом с каской четко отпечатался след тяжелого гоблинского ботинка. Уцелевший глаз эльфа закатился. «Кукольно-нежное лицо ни хрена, совершенно ни хрена не красиво в таком состоянии», – думает Крот.

Хаотичная стрельба, крики, взрывы; дым лезет в глаза и заставляет кашлять.

Рядом в траншеях гоблины дорезают остатки выдвинувшегося для обороны первой линии отряда эльфов. Кажется, что кричат разрываемые дикими зверями женщины.

Десна, командир третьей роты, стоит на небольшой насыпи. Голова у лейтенанта под каской перевязана, бинты пропитались кровью.

Крот обнаруживает себя рядом с кучкой подпехов.

Время движется для него скачками, неравномерно. Целые эпизоды выпадают из поля зрения.

– За мной!!! – рывкает Десна.

То и дело перед глазами все начинает кружиться и идти волнами. Тошнота сдавливает горло.

Вдоль окопов Крот бежит в составе группы зеленых. Здесь уже была резня. Мертвецы встречаются на каждом шагу, кровь пропитала песок. Камнеметы, гвоздеметы, карабины, ручные мортиры валяются в беспорядке. Мертвые эльфы смотрят в злоговарское небо засыпанными песком глазами. Десятки эльфов. Крот насчитал также не меньше дюжины убитых собратьев. Дети Цветов закололи, застрелили и изрубили своими мечами далеко не хилых бойцов. Крот не может понять, в чем причина такой удачи: отчаяние или хорошие навыки... Впрочем, ему не до того.

По ним стреляют, один гоблин спотыкается и падает в окоп рядом с входом в блиндаж. Там уже целая гора трупов. На ходу подпехи открывают ответный огонь – в пятнадцати метрах от них, за линией свернутой в плотную пружину колючей проволоки, стоят эльфы. «Не скрываются», – думает Крот, кидая на землю базуку и хватая камнемет. Гвозди жужжат возле его головы, обдавая горячим воздухом щеку. Крот палит вместе со всеми, почти не целясь. Кто-то из перворожденных запрокидывается навзничь, падает, всплескивая руками, кто-то просто прилипает к земле, словно его примагничивает какая-то сила, третьи сгибаются пополам. Каменные пули вышибают из одежды облачка пыли.

Пробежав еще немного, гоблины укрываются за бетонным выступом. Лейтенант присаживается на корточки. В его руках трофейный эльфийский гвоздемет.

– Сколько? – спрашивает Десна.

– Шестеро добежали, – отвечают ему. С диким визгом гвозди рикошетят от бетона. – Мы из разных подразделений...

Некоторые назвали. Крот промолчал.

– Наши прорываются по центру. Фланги второй линии пристреляны. Обещали авиа-поддержку...

Грохот не дал договорить. Скрючившихся гоблинов осыпало землей и всяким мусором, поднятым взрывом.

– Дерьмо собачье.

– Мортиры...

– Накласть нам на-mortиры! На первой линии еще сидят куклы. Надо выцарапать их оттуда!

Передвигаясь дикими скачками, через траншеи перемахивают шестеро подпехов. Десна машет им.

– Три дота еще ведут огонь. Задача такая: входим и гасим всех, без разговора, пленных не брать! Гранаты приготовить!

Зеленые присоединяются к группе, им объясняют задачу, после чего Десна выпрыгивает из-за бетонного выступа. За ним дуют четверо бойцов. Крот и остальные обязаны прикрывать их.

Внизу – широкие траншеи, выложенные по бокам каменными плитами. Под углом в сорок пять градусов две линии соединяются у входа в подземелье. Крот только сейчас замечает, каков дот с другой стороны. Десна с компанией спрыгивают в окоп, и тут с другой стороны, точно из воздуха, возникают пятеро перворожденных. Врага они не замечают, думая, что сумеют ускользнуть под шумок.

Кто-то предостерегающе вскрикивает. Эльфы вздергивают головы в последний момент. Зеленые нажимают на курок. Каменные пули и гвозди разрывают мясо, с глухим лязгом пробивают каски.

Крот выпускает половину обоймы в самого ближнего эльфа. Тот присаживается у стены, свесив голову, точно решив отдохнуть от долгой прогулки. Стрельба смолкает. Двух раненых быстренько дорезают – штыком и штурмовым пехотным ножом, больше похожим на меч. Слышно довольное уханье.

Металлическая дверь, ведущая в бетонный массив дота, оказывается открытой; Десна толкает ее и прячется сбоку от проема. Теперь слышно, как работает гвоздемет. По знаку лейтенанта два солдата забрасывают внутрь гранаты, отпрыгивают в сторону. Земля содрогается. Глухой «бу-умм» завершается густым облаком пыли и гари, медленно выплывающим наружу. В подземелье кто-то кричит.

Крот вынимает из нагрудного кармана убитого круглый резной амулет из дерева; тонкая изящная работа.

– Проверь, может, на шее что есть, – подсказывает кто-то. Крот не оборачивается, запускает руку под окровавленный воротник. Эльф еще теплый, шея тонкая, кожа гладкая. Гоблин кривится. До чего же они отвратительны!

На шее перворожденного оказалось ожерелье из каких-то мелких темных камешков, плотно нанизанных на прочную шелковую нить.

– Повезло, – говорит тот же гоблин, смеясь. – Оберег снял. Гномы сейчас берут за такие вещички по полсотни золотых бирийских крон.

– Врешь? – спрашивает Крот, засовывая амулет и ожерелье в карман.

– Чтоб я сдох!

Десна дает команду зачистить подземелье. Подпехи протискиваются сквозь не слишком просторный дверной проем. Крот оказывается одним из последних. На всякий случай прикрывает продвижение. Дышать трудно, пот течет из-под каски.

Тянущиеся цепочкой по потолку магические светильники работают в четверть силы, но гоблинам все равно, они видят в темноте. Туннель идет в обе стороны, поэтому лейте-

нант разделяет группу. По шесть стволов. Крот попадает в первую, что берет в восточном направлении.

Продвигаются гуськом. Слышно, как где-то рядом работает гвоздемет, как шаркают ноги, как воздух вырывается через стиснутые зубы.

У туннеля куча ответвлений. Гоблины обшаривают комнаты, но здесь никого нет. Амуниция, боеприпасы, вещи раскиданы как попало.

Привалившись к косяку, Крот рассматривал плакат на стене. «Trasneel qaelorn af'muetael»⁷ – надпись крупными рунами над головой стоящих шеренгой перворожденных. Каждый из воинов носит причудливые доспехи и шлемы. Брови грозно сдвинуты, в руках – длинные мечи, а эльф слева сжимает лук.

Пропаганда. Шелианд в опасности и тому подобное. Ни шагу назад типа, смерть гоблинским оккупантам...

Крот устало улыбается.

– Он за дверью! – говорит где-то в отдалении Ледяной. – Двое – вперед, остальные здесь! Ложись!

Кто-то, вцепившись Кроту в куртку на плече, дергает его в комнату. Под ногами валяются эльфы пехотные шлемы и использованные гвоздеметные ленты.

– Щас рванет!

Гоблины укрываются кто где, и заряд, прилепленный на дверь бетонной норы, где сидит гвоздеметчик, отзывается в ушах резкой болью. Мелкие осколки бьются в стену туннеля. Замок стальной двери вырван с мясом. Крот щупает ухо, откуда текла кровь; все покрыто коркой, и этой стороной он слышит неважно.

В дверной проем дота заглядывают подпехи. Визжа, парочка эльфов палит из пистолетов. Гоблин, которому повезло схлопотать в шею, падает под ноги Десне. В дыму трудно что-то разобрать. Гвоздеметный расчет сопротивляется до последнего. Крот и остальные ждут снаружи в туннеле, слыша хлопки выстрелов, рев и ругань, сбивчивую, трескучую эльфову речь. Прежде чем до них добрались, куклы застрелили двоих и одного ранили в бедро. Десна выпустил очередь подавальщику в грудь, тот свалился, захлебываясь кровью. Второго эльфа зарезали штурмовыми ножами. Били до тех пор, пока голова его не отпала от шеи.

– Хорош! – кричит Десна. – Дальше, дальше!

Через десять метров из бокового прохода выскочили трое. Столкнувшись с противником нос к носу, эльфы попытались смыться тем же путем, но их догнали и застрелили.

То же самое повторилось в следующем помещении. Там были уже четверо. Подпехи в упор расстреляли их, а когда дым улегся, Крот увидел в углу на подставке статуэтку женщины в длинном одеянии. Выющиеся волосы были словно настоящие.

– Баба ихняя, – говорит гоблин, вытирая со штыка кровь об одежду добытого. – Аэр-ниэна, кажися.

– Богиня, что ли? – спрашивает Крот.

– Не-а. Типа колдуньи распроклятой. Офигевают они за нее, – сплевывает подпех. – Дурни!

Крот никогда о такой не слышал.

– Доты нейтрализованы, – сообщает рядовой. Он только что приковылял с западной части укреплений. – Приказ Тусклого – зачистить подземные помещения полностью!

– Полностью так полностью! – рычит Десна, пока ему перевязывают кроващее предплечье. – Продолжаем идти. Не отставать, ухо остро. Тут могут быть ловушки.

---

⁷ Непреодолимый заслон для врага (эльф.).

Туннели, ведущие в глубину укреплений, шире и просторней. Можно продвигаться по трое-четверо в ряд, держа под прицелом все пространство. Где-то что-то горит. Гоблины кашляют.

– Сюда! – указывает Десна.

Граната на лестницу, ведущую вниз. Кувыркаясь, она скатывается по ступеням. Через какое-то время со дна шахты доносится вопль. Взрыв обрывает его на самой высокой ноте.

Группа петляет в лабиринте переходов, зигзагов, уровней. Постоянно встречаются другие охотящиеся за эльфами отделения подпехов. Дважды Десна и его бойцы натываются на дружественный огонь, и только смачная ругань и рычание дают собратям возможность узнать друг друга в суматохе.

– Ничего себе прогулочка, а? – хихикает зеленый, рассказавший Кроту про Аэрниэну. – С самого Первого Десанта такого не помню.

– Ты там был? – удивляется Крот.

– А то! Второй Пехотный Полк «Костолом».

– Охренеть! Так его почти всего урухали!..

– Вот именно. Из полторы тысячи рыл осталось двести. Нехило? Сегодня на берегу было почти как там...

В сорока метрах от первой линии укреплений в большом помещении с одним выходом эльфы соорудили внушительную баррикаду и поставили на нее гвоздемет. Прежде чем подпехи осознали, чем дело пахнет, противник расстрелял в упор четверых из них. Крот споткнулся и упал, что спасло его башку от внушительной дыры. Дюбель задел самый верх каски, украсив ее вмятиной. Ведя беспорядочный огонь, гоблины отступили в боковые проходы и засели там. Длинный коридор простреливался от начала до конца.

– Davvo niarlet faemiath, doze kustaymo!⁸

Один из подпехов высунул из-за угла кулак со средним пальцем. В ответ гавкнул гвоздемет.

– Эй, кто-нибудь говорит по-ихнему? – спрашивает Десна.

Гоблины переглядываются. Никто не рубит.

Крот усаживается у стены. До сих пор ему везет; ни одного серьезного повреждения, только мелкие царапины и пара-тройка синяков. Духи предков, наверное, обратили на него особое внимание.

Бетонные укрепления дрожат.

– Бомбардировка, поди, – ворчит кто-то.

– Какая разница, все равно им кранты...

– Нам нужен колдун, срочно! – заключает Десна.

* * *

В бинокль Ржавый наблюдает, как снаряды рвутся возле дотов второй линии обороны. Две точки из пяти уничтожены. Минометы тем временем обрабатывают территорию, находящуюся позади рубежа. Эльфы бешено сопротивляются, не жалея сил и боеприпасов. Повсюду деревянные ежи, к которым густо крепится колючая проволока. Не сразу и перелезешь, особенно под огнем, так что прорыв по центру пока невозможен.

Ржавый видит завалы из трупов, затем опускает бинокль.

– Так, с этими все ясно, – говорит лейтенант. – Эльфюги потеряли орудия и минометы. Это плюс. Минус в том, что впереди колючка. Если мы уберем ее, то сумеем прорваться.

---

⁸ Попробуйте взять живыми, грязные твари! (эльф.)

Сказочник смотрит через подзорную трубу. В кругляшке объектива мелькают фрагменты пейзажа: выглядывающие из окопов эльфы, мешки с песком, сложенные в форме подковы, колючка, мертвецы с оружием в руках, изрытая вдоль и поперек земля. Живого места на ней нет.

Взрыв снаряда заслоняет сержанту вид.

– Как проволоку убрать, Ржавый?

– Где Гробовщик?

– Не знаю. Был в поддержке на левом фланге. Неизвестно.

– Надо найти.

– Тут есть наш, из первой роты! – подает голос гoblin, лежащий неподалеку.

Лейтенант и сержант прячутся в окопе. Вдоль цепочки зеленых идет сумрачного вида тип, покрытый грязью с ног до головы. На плече болтается ручной гвоздемет.

– Рядовой Кожа! Гобломант. Первый взвод первой роты.

– Это ты что, так замаскировался? – спрашивает Ржавый, глядя на его форму.

– Побочный эффект заклинания, – не моргнув глазом отвечает Кожа.

Сказочник замечает насмешливый взгляд Ржавого.

– Похоже, перед нами крутой парень. Что умеешь?

– Многое. – На грязной физии горят сумасшедшие глаза.

– Колючку надо убрать. Справишься?

– Да.

Сказочник усмехнулся. Еще один тип, знающий себе цену. Чародей, одно слово.

– В общем, так. Видишь вот тот участок? – заговорил лейтенант, подтаскивая Кожу к краю окопа. Пули так и свистели над их головами. – Проволоку надо снять от сих до сих. Иначе мы тут надолго застрянем. Ползи туда, мы прикроем.

– Ясно. – Гобломант сбросил гвоздемет с плеча, вынул из кармана перчатку из толстой кожи без пальцев. К тыльной стороне ее крепился ромбовидный амулет из дерева и чеканных металлических вставок. Сказочник заметил целую кучу рун и иероглифов, расположенных в неведомом для неискушенного порядке.

– Что это за хреновина? – спросил Ржавый.

Кожа надел перчатку на правую руку.

– Эта хреновина позволяет управлять заклятьями и увеличивать их скорость. Можно носить на шее, а можно так. Так вот сподручней. Видели у эльфюг волшебные палочки? Этот амулет выполняет ту же функцию...

– Э, ты не очень-то словами кидайся... – засопел Ржавый. – Умников не люблю... без фукеций всяких... Ишь, моду взяли, чудознатцы фиговы!

Кожа смотрел на него безо всяких эмоций.

– В общем, дуй туда и убирай к едрене фене колючку. По моей команде!

Гобломант кивнул.

– Стой! Мормыш!

– Здесь!

– Пойдешь с ним!

Новобранец моргнул, покосился на колдуна.

– Не спать! – рявкнул лейтенант. Мормыш подскочил, перезарядил камнемет. Гобломант позволил себе небольшую эмоцию – улыбнуться краем рта.

* * *

Так и поползли. Мормыш проклял сегодняшний день и все прочие до него, а также на всякий пожарный будущее. Если бы пришлось выбирать, то, не сомневайтесь, он предпочел

бы лежать под теплым бочком какой-нибудь разбитной разведенки и причмокивать во сне от удовольствия... Внезапно Мормыш размечтался о том, как после победы откроет свою собственную пивоварню и заживет припеваючи (и припиваючи тоже). В секреты пивного дела его посвятил дядя, у которого он и работал, так что в будущем предприятии Мормыш был уверен.

Холодное, да что там, ледяное пиво! Запотевшая кружка! Копченая рыба, жирненькая, лежит на газетке и благоухает, чтоб ей...

Рот подпеха наполняется слюной.

– Башку пригни! – говорит гобломант.

Мормыш вернулся на поле боя из мира видений и увидел, что гобломант опередил его и уполз на метр вперед. Теперь смотрит через плечо.

Дюбеля и каменные пули свистят над каской. Мормыш тычется в песок лицом. Позади стреляют, обеспечивая прикрытие. Пока что попытки эльфов сорвать вояж диверсантов успеха не имеют.

Мормыш работает локтями. Ему кажется, что уже заглядывает в дула эльфьих карабинов, хотя до первого окопа за линией колючки не меньше пятнадцати метров. Наконец-то подпехи устанавливают на завоеванных позициях свои гвоздеметы и начинают обрабатывать территорию. Эльфы боятся высунуть голову. Изредка из окопов вылетают брошенные наугад гранаты, но ни одна из них не достигает цели. Артиллерия бьет по дотам второй линии. Все охвачено огнем. Небо заволакивает жирным дымом.

Гоблины добираются до колючей проволоки. Мормыш занимает удобную позицию, прикидывает к прикладу камнемета. Ему видно, как эльфы перебегают в своих окопах с места на место – беспрестанно движутся верхушки касок. Вот группка в тридцати метрах впереди и влево – вылезли из траншеи и трусят под прикрытием дыма по открытому участку. Тащат миномет и ящик с зарядами. Там же бежит, согнувшись, эльф с базуккой. Вся компания – отличная мишень. Пули и дюбеля взрывают песок. Эльф с базуккой падает, от его куртки летит пыль. Его пытаются тащить, но срезают и их. Детонируют мины в ящике. Эффект потрясающий. Заодно разметывает и небольшой блиндаж поблизости. Подкинутая к небу эльфья фигурка кажется подбитой метким выстрелом птицей.

Кожа возится у деревянного ежа, к которому крепится большая пружина колючей проволоки. Чем занят чародей, остается для Мормыша загадкой. Бормочет, кажется, свои заклинания, шипит от злости, когда не выходит; тычет пальцем в значки на амулете, прикрепленном к перчатке.

– Дальше!

В один момент Кожа оказывается рядом с Мормышем, и они ползут, точно два майских жука. У следующего ежа все повторяется. Гобломант берет горсть песка, перемалывает ее между пальцами, шепчет словечки, разравнивает место под деревянной раскорягой. Эльфы пули задевают колючую проволоку над головами подпехов, завитки содрогаются, словно в испуге.

– Пропадите вы пропадом, – говорит Мормыш.

Чародей уже закончил свою ворожбу. Из окопа, где засели зеленые, высовывается морда Ржавого. Слышен нарастающий гул. Мормыш и Кожа прибавили хода, потом свалились на дно окопа.

– Самолеты! – крикнул Пила.

Все задрали головы, пока еще не зная, в какую сторону смотреть. Если эльфы вызвали воздушную поддержку, то хана наступлению.

– Да наши это, наши! – заорал самый глазастый, указывая на юг.

– Завтра снег пойдет, – мотает головой Ржавый. – Дождались...

* * *

Огромные бомбардировщики-бипланы с камуфлированным рисунком на крыльях и фюзеляже выплывают из дымовой завесы. Первая линия состоит из шести машин, вторая из четырех, но она еле видна. Гул моторов нарастает. До Текучки и оборонительной линии остается не более четверти километра. Издали кажется, что крылатые монстры, окрещенные с легкой руки пехоты «назгулами», еле передвигаются, с трудом ползут по воздушным потокам и вот-вот сорвутся в смертельном пики.

Сказочник подносит трубу к глазам, замечая, что люки в днищах бомбардировщиков открываются.

«Сейчас начнется, – думает он, – правильно, надо прекращать нашу дружескую встречу... Задолбалю!»

Огонь со стороны зеленых почти смолкает, на позициях эльфов наблюдается активное шевеление. Их выгоняют из подземелий, теснят на север, не давая организовать постоянным обстрелом. Теперь же, пользуясь передышкой, гоблинская пехота покидает позиции. Когда полетят бомбы, лезущие врукопашную оккупанты покажутся безобидными котятками, не умеющими толком даже цапнуть.

– Смоются. Как пить дать смоются, – сказал Сказочник, наблюдая за эльфами. В районе одного из блиндажей из-под земли вырвался сноп огня и породы. Внизу, в бункерах шел бой.

– Это не наша забота. Мы возьмем Смерть Зеленым. Приказ – и никаких дюбелей. С нашими силами нам не окружить эльфюг в этом районе, – отозвался Ржавый.

– А что с этим? – Сказочник указал на колючую проволоку.

– Подождем. Эти бомбометы не такие уж и снайперы, если сейчас поколбасим, нам может перепасть на орехи.

Сказочник молча согласился. Дружественный огонь – страшная сила. В первые дни кампании третья часть потерь Армии Освобождения приходилась на ошибки в ориентировании и наведении, в результате чего гоблины получали по башкам от своих же.

– Расстояние – двести метров. К сбросу готов.

...Командир экипажа – гоблин в кожаном шлеме и очках – дает знак рукой. Солнце, выглядывающее из-за тучи, освещает кабину; лучи проникают через состоящий из отдельных фрагментов стекла колпак. Впереди и внизу плывет эльфийский укрепрайон, река Текучка, берег, заваленный трупами, разбитые доты, клубы дыма, заслоняющие обзор. Гоблинские подразделения подтягиваются к реке с юга.

Бомбометатель прикидывает к перископу.

– Выхожу на позицию, – сообщает командир экипажа. «Назгул» чуть снижается.

Гоблин позади него рассматривает местность через линзы с нанесенной градуировкой. Отсюда зона боевых действий напоминает грязное рваное одеяло, на котором разбросано много всякого мусора.

Штурман принимает какие-то сообщения по рации, сгорбилась возле консоли. Второй пилот, отклонившись в сторону, осматривает ландшафт внизу.

– Сброс!

Бомбометатель передвигает рычаг, выпуская на волю тяжелые фугасные бомбы с магическим контуром, усиливающим поражающий эффект. Похожие на тыквы-горлянки, бомбы растягивающейся цепью устремляются вниз, на дальние эльфийские позиции. Остальные пять бомбардировщиков опорожняют свои брюха почти одновременно с ведущим.

– Легли точно, – докладывает бомбометчик. – Нужен второй заход!

– Набираем высоту.

«Назгулы» закладывают широкий вираж, оставляя после себя полосу разорванной и горящей земли.

– Ой! Ёпрст!.. – выдал Ржавый, выпучив глаза. Первая бомба рванула так, что казалось, бог грозы шваркнул своим молотом по наковальне прямо над головой.

Гоблины повалились на дно окопа. Земля впереди вздыбилась, расцвела гигантскими черно-дымными цветами. Взрывы слились в одну оглушающую какофонию, знаменующую окончательное поражение эльфьего гарнизона в Зоне Фуин. Остатки минометных расчетов, единственное уцелевшее орудие, последний функционирующий дот, сеть окопов, блиндажи, бункеры в северной части укрепрайона – все превратилось в кашу в несколько мгновений. Земля затряслась.

Выглянуть решились не сразу. Пыль еще не улеглась, а уже было ясно, что основная работа закончена. Метрах в семидесяти от окопов появились огромные воронки с вывороченной по краям землей. Сколько там осталось эльфов, никто не мог даже предположить. Повезло лишь тем, кто сумел смыться на север.

– Идут на второй заход, – сказал Сказочник.

Подпехи высунулись из-за края, во все глаза глядя на делающих разворот «назгулов».

– Остается только сделать уборочку, – осклабился лейтенант. – А если бы их авиационные задницы были расторопней, нам не пришлось бы потерять так много своих!

Бомбардировщики вернулись, легли на прежний курс и вновь сбросили бомбы. Бабах был не менее впечатляющим, чем в первый раз. Едва бомбовые отсеки «назгулов» опустели, подпехам пришел приказ немедленно атаковать. Через стену уже перемахнуло подкрепление. Свеженьким не терпелось вступить в бой.

– Твой ход, чародей, – сказал лейтенант, кивая Коже.

Деревянные ежи подскочили, воздух вокруг них исказился, вспыхнул искрами. Появилось пламя, грызущее дерево и даже металл колючки. Ржавый ругался. Затем последовал взрыв, за ним по цепочке еще несколько. Ограждение на протяжении нескольких десятков метров перестало существовать. Колючку подняло и отбросило так далеко, что Сказочник не увидел, где она упала.

– Вперед! Пошли, пошли, пошли!..

Ржавый первым выскочил из окопа и ринулся вперед. Сопровождая свое появление знаменитым звериным ревом, гоблины ломанулись по его следам. Сказочник тоже орал. Крик помогал скинуть напряжение после долгого сидения в окопной утробе. А под землей ребятам сейчас, наверное, несладко...

* * *

С потолка подземелья сыпется песок, и отваливаются фрагменты бетонного покрытия. Бункер дрожит, чуть ли не раскачивается, как судно на волнах.

– Наши бьют, – говорит сосед Крота. – Тяжелые фугасы с заклятиями. Я видел, что такие могут сделать.

– А если это куклы? – спрашивает Крот.

– Не-а.

– Почему знаешь?

В туннеле снова прогремел гвоздемет, кашлянули в ответ несколько карабинов. Эльфы по-прежнему держали оборону, не давая противнику высунуться.

– Я знаю, – сказал гoblin, – я чувствую.

– Как зовут?

– Ворох.

– Крот.

– Мой взвод погиб на правом фланге. Только я и уцелел. Здорово нам врезали, собаки!

Крот кивнул. Справа от туннеля, который заканчивался забаррикадированной комнатой, сидело пятеро зеленых. Напротив, в левом ответвлении, укрылись еще шестеро. Четыре гоблинских трупа и раскиданное оружие – добыча перворожденных. Под телами успела образоваться большая лужа крови.

– Не вернется, – прошептал Ворох.

Это он про солдата, которого послали разыскать колдуна. Выяснилось, что гранат больше нет, а идти на штурм баррикады лоб в лоб равносильно лечь под ногу идущего слонopotама. Подпех, отряженный Десной с поручением, сумел пробежать семь метров коридора и не получить ни одной царапины. Шустрым оказался на зависть остальным мордovorотам.

Прошло пять минут. Ничего не изменилось. Противники ждали продолжения событий, а напряжение мало-помалу нарастало.

– Интересно, а у них есть там колдун? – спросил Ворох.

– Хрена с два, – ответил ему гoblin с повязкой на глазу. – Не стал бы он сидеть сложа рученьки. Эти, видать, колдовать не умеют, не рубят ни шиша... Эх, дайте мне только добраться до чьей-нибудь куриной шейки.

Крот покосился на его загорбевшие шахтерские кулаки и вспомнил братцев Маргаритки.

Бункер снова вздрогнул, да так, словно на него со всей силы наступила великанья ножища. Потолок пошел трещинами, гobliny заерзали, один присвистнул.

– Ну если это наши, то эльфам каюк, – сказал Десна. – Эй, стручки малохолые, каюк вам, слышите!!! Трындец!!!

– Wutort nime, hycab!⁹

– Ma erid samae vuath?¹⁰

Ворох улыбнулся во всю ширь.

– Огрызаются!

Крот сплюнул.

– Идем, мы идем, чародей со мной!!! – раздалось из-за поворота.

Со стороны эльфов хрястнул одиночный выстрел.

– Понял, – отозвался лейтенант. – Что скажешь, колдун? Назовись!

– Гробовщик, – раздался мрачный хрип.

– Нам бы минуту-полторы времени. Мы бы смели эту баррикаду к такой-то матери, но нам даже не высунуться! – рывкнул Десна.

– Сделаем, – послышался исполненный вселенской скорби голос. Чумазные разбойничьи морды подпехов искривила усмешка, одна на всех. О да, он сделает! После этого можно считать, что войнушка закончилась, собирайте вещички, парни!..

Наступила тишина. Ворох и Крот переглянулись. Крот пожал плечами и вдруг заметил, что в коридоре появился новый субъект. Неряшливо одетый, покрытый пылью, с диким взглядом из-под козырька надбровных дуг. Вышел себе преспокойно из-за угла, где до того скрывался месте с гонцом, и потопал к эльфам.

Подпехи уставились на чародея вытаращенными глазами, никто не произносил ни звука и не знал, как реагировать. Зато начали орать эльфы. Их кошачий концерт длился недолго – заговорило оружие. Дробно и до боли знакомо залязгал «эльронд», выстрелы из карабинов добавили в металлический шквал свою лепту.

В Гробовщика не могли не попасть. Прошило грудь, плечо, дробя кости. Пуля попала в шею, породив фонтан крови, после чего колдун развернулся вокруг оси, словно в танце, и

---

⁹ Заткни пасть, зверье! (эльф.)

¹⁰ Что он там гавкает? (эльф.)

оросил темно-алым стену. На его лице застыло безумное выражение, словно он превратился в упыря, насосавшегося свежей крови. Чуть ли не радость, подумал Крот, чувствуя мурашки на спине. Еще одно попадание разбило Гробовщику лоб, черепная крышка раскололась, явив мозги, которые тут же разлетелись розовым дождем.

Кто-то выразился сквозь грохот в том духе, что все эти колдуны – психи долбанутые. Крот, пожалуй, был согласен. Гробовщик поплясал еще немного, разбрызгивая вокруг себя кровь и теряя куски плоти, а потом упал. Стрельба прекратилась, какой-то эльф орал высоким голосом, ругаясь.

– Ну и какого хрена теперь? – спросил гоблин с повязкой на глазу.

Гробовщик пошевелился. Руки согнулись, уперлись в бетонный пол, покрытый пленкой крови, надавили, начали поднимать истерзанное тело. Все было натуральней некуда. Из рта чародея вывалился откушенный язык, потом наружу полезло нечто красно-зеленое, густое, словно суп-пюре. Эльфы закричали. Мертвый гоблин встал, покачиваясь. Руки болтались, словно веревки, точнее, кишки, пришитые к плечам, из которых торчали белые кости.

Мертвец шагнул в сторону эльфов, картинно протягивая к ним кривые окровавленные пальцы. Разинул рот, завыл для пущей убедительности. Эльфы заверещали так, словно их режут, опять надавили на курки. Мертвец дергался на ходу и ржал визгливым голосом, приближаясь к баррикаде. Свалить его не могла даже прямая очередь из «эльронда». Дюбели пролетали сквозь туловище Гробовщика, точно в распахнутую форточку.

– Ну и дерьмо, – вздохнул Ворох. – У нас в деревне колдунов не любили, последнего двадцать лет назад палками прогнали. Традиция такая.

– Рад за вас. Но этого прогонять не стоит... – ответил Крот.

Мертвяк остановился и взмахнул руками. С кончиков пальцев сорвались серые извивающиеся нити. С тонким, режущим слух свистом нити начали сворачиваться в спирали, выписывать зигзагообразные фигуры, переплетаться между собой, точно змеи в клубке. Гвоздемет замолчал, эльфы стреляли только из ручного оружия, но теперь ни каменные пули, ни дюбели не причиняли фантому вреда. Танец серых нитей прекратился – рассыпавшись мириадами черных точек, они поплыли к эльфам, обороняющим комнату. Со стороны это походило на рой каких-то насекомых.

Десна высунулся из-за угла, чтобы посмотреть. Рой фантомных тварей – для эльфов вполне настоящих – производил в комнате настоящее опустошение. Мертвец стоял и дирижировал изуродованными руками, напевая жуткую песню без мотива.

– Гробовщик! Гробовщик, твою маму! – прокричал лейтенант. – Кончай свой балаган!

Эльфы кричали и носились взад-вперед, натыкаясь друг на друга, махали руками, били себя по лицам и туловищам. Огромный рой черных точек заполнил комнату, деться от этого жалающего ужаса было некуда. За исключением одного-единственного направления... Обезумев от боли, перворожденный перелез через баррикаду и спрыгнул в коридор. Черные точки преследовали его. Эльф споткнулся и упал под ноги фантому, созданному Гробовщиком. Якобы мертвый чародей засмеялся и начал таять.

Эльф катался по полу. Вскоре к нему присоединился другой. В комнате вообще творилось гном знает что – настоящая свалка. Таких криков Крот не слышал даже от тех, кого насаживали на штыки. Этот гобломант, похоже, знал свое дело...

Гоблины оказались возле баррикады в считанные мгновенья. Два эльфа, попытавшиеся спастись снаружи, получили свое прямо на полу. Агонизирующих, их просто затоптали бегущие следом разъяренные подпехи. Снеся ящики, составляющие баррикаду, зеленые ворвались в комнату. Гвоздемет запрокинулся, упал, задрав кверху три ноги штатива-турели.

Крот оказался в числе первых. Он не сразу заметил, что черные точки исчезли, и стрелял, рубил и молотил прикладом вместе со всеми. В лицо брызгала кровь, мертвые эльфы падали под ноги, заставляя спотыкаться. В пылу рукопашной Крот получил в затылок лок-

тем от Вороха и брякнулся на живот. Тут же какой-то хмырь наступил на него. Крот вывернулся и только тогда услышал голос Десны. Лейтенант приказывал прекратить... Как это прекратить? Боевому гоблинскому безумию было наплевать на все приказы...

Подпех с повязкой на глазу схватил Крота за локоть.

– Хорош, тебе сказали!

Прямоугольную комнату десять на семь метров словно обработали из минометов. Все перевернуто вверх тормашками, всюду мертвые тела, раскиданное оружие, опрокинутые ящики, столы, оборудование связи, шкафчики, сорванные со стен полки. Бумаги усеивают пол, пропитываются кровью.

Крот прикинул – эльфов здесь было не меньше двух десятков.

– Штаб тут был или вроде того, – сказал капрал Ледяной, присаживаясь на корточки и рассматривая документы, покрытые эльфьими рунами. Гоблины обшаривали карманы убитых.

– Несколько офицеров здесь. Этот, кажется, капитан. – Ледяной указал на эльфа, застреленного из пистолета в лицо. На его форме поблескивают серебряные семиконечные звездочки. – Он, кстати, за гвоздеметом стоял.

Десна подошел и слегка поддел плечо мертвеца носком ботинка.

– Отдельная разведывательная бригада «Следопыт». Я таких встречал. Только что он тут делает, когда другие принадлежат ко Второму Пехотному Полку?

– Хрен знает... – Ледяной встал, складывая в стопку бумаги, не замоченные кровью. Закурил, прищуривая левый глаз. – Переводчика надо. Может, здесь сведения важные.

Крот слонялся взад-вперед по комнате, словно в полусне, натыкаясь на ящики и поломанную мебель. Остановившись, он долгое время паялся в угол, на труп эльфа, втиснутый в пылу драки дальше остальных. Стручок лежал, свернувшись, будто кошка, и вроде бы не подавал признаков жизни... Вроде бы?

Крот подобрался к телу, присел на корточки, отодвигая металлический шкаф. Лица врага он не видел из-за поднятых к голове рук, волосы скрылись под черным беретом. Форма гоблину ни о чем не говорила: комбинезон без знаков отличия, высокие ботинки со шнуровкой. Зеленый протянул руку и взялся за край берета, дернул. Из-под головного убора вылезла ярко-рыжая прядь, похожая на начищенную медь, а из-под пряди выглянуло острое ухо со следами двух проколов от серег.

Труп вздрогнул и посмотрел на Крота огромными зелеными глазищами. Эльф выбросил в его сторону руку с ножом, которую гоблин без труда перехватил, но тут же заработал чувствительный пинок ботинком во внутреннюю часть бедра. Перед Кротом промелькнул маленький оскаленный рот на чумазом лице. Эльф попытался сбежать. Попытка, конечно, была бессмысленной – в комнате находились одиннадцать вооруженных головорезов.

Крот отшвырнул эльфа в угол. Нож выпал из тонкой руки. Первороденный сжался в готовый к последней драке комочек. Гоблин направил на него ствол камнемета.

Рыжие волосы эльфа, подстриженные ниже ушей, разметались, наполовину скрыв лицо, но и так все было ясно.

Проклятая баба, успел подумать подпех, когда позади него нарисовались пятеро зеленых.

– Это еще что?

– Живой!

– В натуре, давайте его кончим!

– Эй, гляньте, так это ж...

Увидев направленное на нее оружие, эльфка задрожала.

«А как же – последнюю пулю себе?» – подумал Крот.

– Уберите! – сказал он неожиданно для себя, отодвигая стволы.

– Где это она пряталась?

– Вывести и расстрелять!

– Злая, что твоя бешеная крысиха!

– Не надо стрелять. Для других целей пригодится. Очередь установим, парни?!

Ледяной и Десна растолкали рядовых. Крот встал и отодвинулся в сторону.

– Нашел в углу.

– Так-так, – сказал лейтенант, – интересно девки пляшут... Это откуда ж нам такой подарочек замело?

Рыжая тряхнула головой, выпрямила спину, стараясь показать, что не боится, однако губы у нее дрожали. В зеленых провалах глаз на угловатом лице кружился страх.

– Щас наколдует чего-нибудь, – произнес кто-то за спиной лейтенанта. Десна посоветовал ему заткнуться. Смотрел он на эльфку так, словно прикидывал, каким образом ее лучше сожрать – в сыром виде или все-таки приготовить по рецепту.

– Кто такая? – спросил Десна.

Рыжая, конечно, не ответила. Только прищурилась, выливая на врага все свое презрение.

– Не понимает, – заключил Ледяной.

– Ясно дело. Связистка при штабе, поди, была. – Десна снял каску и почесал затылок.

Крот смотрел на ее рыжие волосы и вспоминал Маргаритку. У той был немного другой оттенок, но сходство поражало.

– Ты и ты.

Десна указал на Крота и Вороха. Гоблины подобрались.

– Отвечаете за нее головой. Отправляетесь в штаб и сдаете как положено.

– Что она знать может? – покривился Ледяной. – И не офицер вроде.

– Могла переодеться, чтобы скрыть, – отмахнулся лейтенант. – Кто знает, может, они ее защищали.

Подпехи, конечно, не приняли эту версию, каждый думал о том, к чему немедленно приспособить «эту пигалицу». Гоблины ворчали до тех пор, пока Десна не решил, что дисциплина в его маленьком стаде разболталась. Несколько хлестких замечаний и распоряжений восстановили порядок. Подпехи принялись за уборку, выуживая из кучи мусора и тел все мало-мальски ценное в военном смысле слова. Хотя не только в военном. Обычно командиры не препятствовали ограблению мертвецов, потому что сами занимались тем же самым. Боевой трофеей – штука для гоблина священная.

– Ну? – спросил Ворох, глядя на Крота. – Идем?

Гоблин поднял с пола моток провода, отмерил от него кусок и оторвал.

– Свяжем ей руки.

Ворох наклонился, взял эльфку за локоть, поднял одним рывком. Рыжая вскрикнула, размахнулась и ударила гоблина в грудь кулачком, потом добавила к этому несколько пинков.

– Ух ты! – пропыхтел Ворох, обнаруживая, что удержать тощую (по гоблинским меркам) девку не так-то просто.

Рыжая дралась остервенело, пуская в ход все, что было доступно, шипела сквозь зубы, извивалась, пока Крот не залепил ей хорошую затрещину. Лишь тогда пленница прекратила сопротивление – и то благодаря полученному нокдауну. Тяжело дыша, она упала на грязный бетон. Ворох снова поднял ее, поставил, обмякшую, так, чтобы Крот мог связать ей за спиной руки.

Подпехи посмеивались.

– Чего это она? Чего дерется? – спросил Ворох.

– Представь себя на ее месте... – проворчал Крот. Ему не нравилось делать то, что он делает. – Твоих друганов порвали на твоих глаза, а всякие бандитские рожи вздумали решать твою судьбу. Ты бы, поди, тоже дрался!

– Я? Не вопрос – еще как!

Эльфка опустила голову, волосы занавесили лицо. Гоблин приподнял ее подбородок, ожидая увидеть, что она плачет, но обнаружил совсем другое. Пленница походила на взбешенную змею, у которой вырвали ядовитое жало. Злобы хоть отбавляй, но возможности укусить уже нет.

В следующую секунду Крот убедился в том, что рано сделал такой вывод. Не успел он убрать руку, как рыжая наклонилась и вонзила маленькие острые зубки в его запястье.

– Ах ты...

Крот схватил эльфку свободной рукой за волосы, сжал кулак. Пленница зашипела, но не закричала. На руке гоблина остался глубокий отпечаток двух челюстей, тут же начавший кровоточить.

– Ты смотри! – восхитился Ворох. – Ну кукла... Она могла бы быть гоблином.

– Почему? – спросил Крот.

– Все потому же – не сдается.

Рыжая, конечно, не походила на Маргаритку, но Крот не мог отделаться от дурацкого дежавю. Первый бой, первый захваченный пленный – и сразу женщина, невеста каким образом оказавшаяся в бункере. Можно это считать везением для новобранца или все в порядке вещей? Гоблин толкнул пленницу к двери, подпехи расступились, плотоядно рассматривая тоненькую фигурку рыжей. Та по-прежнему делала вид, что ничего не боится, – вероятно, предполагалось, что ее не пугает даже смерть, неизбежная после попадания в плен к захватчикам. Эльфья пропаганда не устает твердить, что гоблины никого не оставляют в живых, а в иных случаях даже съедают тех, кому не повезло угодить в их грязные лапы...

Крот и Ворох вывели эльфку в коридор, она шла, семеня ногами и не поспевая за широкими шагами здоровяков. Гоблины держали ее за локти с двух сторон.

– Кажется, бой кончился, – сказал Ворох. – Наверху как будто тихо. После наших бомбочек неудивительно...

– *Miolas! Miolas dan! Fetto!* *Ori kara!!!*¹¹ – завопила пленница дурным голосом. Был момент, когда она почти вырвалась из ручищ подпехов.

– Да что ж это такое? – Ворох ухватил деваху за шиворот.

– *Ao daetvier tosse!!!*¹² – простонала та, скривившись от боли.

– Чего она говорит? – спросил Крот.

– Может, предлагает жениться на ней... Эй, принцесса, а ну води себя смирно! – зарычал гоблин ей в ухо, отчего пленница съежилась. – Здесь тебе не священные рощицы и не светский раут, чтобы выкаблучиваться. Иначе живо в уголок отведем и – чик-чик... Пух! – Вытащив пистолет, Ворох приставил дуло к ее виску. Та смотрела на него искоса, запрокинув голову. Зеленые глаза словно обесцветились от страха.

– Ладно, – сказал Крот, отодвигая руку Вороха. – Не хватало еще, чтобы она дуба дала раньше времени. Может быть, это ценный язык, братец.

– Хм, баба в бункере – стопудово несчастье, – ухмыльнулся Ворох, – но наши узнают, где тут собака порылась. А ты, может, награду получишь.

– Иди ты со своей наградой, – огрызнул Крот.

Эльфка шарahalась от каждого встреченного на пути мертвого соплеменника и, словно протестуя, мотала головой. Из этого Крот заключил, что такие картины ей в новинку, непри-

---

¹¹ Отпустите! Отпустите меня! Прошу! Не убивайте! (*эльф.*)

¹² Я связистка всего лишь! (*эльф.*)

вычная, значит, к бойне дамочка попалась. Тем более странно видеть ее под землей в районе, который гоблины собирались штурмовать, не особенно скрываясь. Что, не хватило времени лыжи смазать? Или ума не достало свалить вместе с половиной гарнизона, что двинула на север после падения первой линии?

Ясно, что в пехотных частях бабы у них не служат. Следовательно – загадка.

Прошли по лестнице, круто уходящей к поверхности. Остановились. После бомбежки сверху налетело много всякого мусора. Ворох разбирал завал, в то время как Крот стоял на небольшой площадке внизу и держал эльфку под локоток. Привалившись к стене, она словно одеревенела.

Гоблин посмотрел на ее волосы и сплотнул, не понимая, с какой стати так сильно долбиться сердце. Ну, должно быть, горячка боя, отходняк... И в тот же миг пленница повернулась к нему. Глянула снизу вверх, прямо в глаза, и от неожиданности Крот вздрогнул.

Знавал он эльфов с самого детства. Жили рядом, в соседних городках, встречались на ярмарках, гуляньях и просто так, по-соседски. Имен, конечно, Крот вспомнить не мог, да и не укладывались эльфьи имена особенно в его черепушке, но знал точно – не видел он ни разу таких глаз. Эльфийские девицы не воспринимались им как что-то из ряда вон выходящее, для гоблина иные стандарты и формы милы по физическому свойству. Не имел Крот привычки присматриваться к Детям Цветов, думать о них, засоряя голову всякими ненужностями, поэтому сейчас этот взгляд словно просветил его насквозь... Эльфка вздернула брови, словно о чем-то просила. Невыносимая зелень ее глаз казалась колдовской.

– Чего уставилась? – проворчал Крот. – Ты не очень-то дури и не вздумай заклеть кидать... Плохо будет. Поняла?

Рыжая молчала, все так же глядя на него.

– А-а, сообразил... Нет, сестра, не пущу... и не думай... Да и некуда тебе бежать – повсюду наши... Не пущу... В штабе разберутся, куда тебя, там уже не моя забота. Может, по закону военного времени, может, еще как...

– Готово, забирайтесь! – сказал Ворох сверху.

Эльфка вздохнула, отворачиваясь, а подпех почувствовал заливающий голову жар. Неужели стервоза наколдовала?

– Ну иди, иди! – Толчок получился слишком сильным, и эльфка, споткнувшись о ступеньку, упала. Стукнулась грудью и щекой, но не издала ни звука. – Чтоб тебя... – Крот поставил ее на ноги. Эльфка развернулась и плюнула ему в лицо. Странное выражение в глазах сменилось знакомой яростью. Ну это другое дело, все просто и ясно. – Эй, ты не очень! Не посмотрю, что баба, да худющая от недокорма, – сказал подпех, утираясь. – Врежу! – пообещал Крот, показывая кулак.

Рыжая фыркнула, сумев вложить в этот звук немало отравы. Да, подумал Крот, только они так и могут. Поди, с детства обучаются ненавидеть зеленых, с молоком матери усваивают, кто истинный враг. А потом в университетах и академиях на научную основу свою ненависть ставят... Подпех причмокнул. Во что превратился древний Злоговар, родина предков всех гоблинов, обитель героев и свободы? Родина природного разгильдяйства и угарного самоуправления, перед которым бледнеют все республики вместе взятые? В Шелианд он превратился, в противоестественное государство спесивых кукол. Правду говорят, что это самый настоящий рассадник антигоблинства и эльфизма...

Лестница заканчивалась квадратным люком, ведущим в кубических очертаний блиндаж. В углу что-то тлело, распространяя тягучую вонь, разбитая рация демонстрировала свою начинку; кто-то из эльфов потерял каску, кто-то обронил кинжал, кто-то даже штаны, пробитые осколками в двух местах. Внутреннее убранство укрытия превратилось в гору мусора. Раскиданная амуниция и оружие с боеприпасами – все как в других местах; у входа в блиндаж земля разворочена попаданием бомбы.

Доски и фрагменты расколотого в одном месте бетонного потолка Ворох отодвинул в сторону, но все равно места было мало.

Эльфка постаралась выбраться из люка сама, но со связанными руками успеха не добилась. Крот поддержал ее ладонью снизу, упершись сразу в обе ягодицы, а Ворох вытянул за плечи. Рыжая дернулась, посчитав такое мужское внимание излишним и оскорбительным. Ворох крикнул.

– Гляди, ни кожи, ни рожи и попа с кулачок, а еще туда же!

Эльфьи взгляды не убивают на месте вопреки расхожему мнению, иначе от гоблина в момент осталась бы горстка пепла. Рыжая, безусловно, поняла, о чем идет речь.

Крот промолчал, указывая ей на выход из блиндажа. Снаружи откашливались последние выстрелы и рвались бомбы, но зона боя передвинулась на север. Это означало только одно – батальон «Смердящий» взял укрепрайон. Остатки неприятельского гарнизона сопротивляются напрасно. Гоблины победили, даже с учетом изначального проигрыша в численности и потерь на берегу.

Окопы завалены телами и их фрагментами, колючая проволока разодрана и засыпана землей. Рыжая не прошла и десяти шагов, как принялась кричать и рваться. Зона бомбардировки превратилась в огромные земляные отвалы, нагромождения обломков бетона и вырванных с корнем блиндажных укреплений. Почва впитывала кровь, становясь грязно-багровой.

– Гляди, нервишки шалят, – заметил Ворох, наблюдая, как рыжая наклоняется в рвотном позыве и выплевывает горсть желчи. Больше в ее желудке ничего не было. – Кончай, симулянтка! Небось горазды вы бошки гоблинам отрезать да на колья насаживать... А тут раскусилась, поглядите на нее!

Со сдавленным криком эльфка повалилась на землю.

Ворох взял ее за шиворот, поднял, хотел поставить, однако ноги пленницу не слушались. Крот как мог легонько похлопал рыжую по щекам. Голова ее мотнулась вправо, потом влево. Результатом была полная потеря сознания.

Ворох стянул каску, почесал затылок.

– Помяни мое слово, Крот, эта стерва принесет нам сплошные неприятности. Мы все из-за нее сдохнем.

Крот, разозленный, промолчал. Подобрал эльфку с земли и положил на плечо; она почти ничего не весила. Так-то оно, может, и лучше. Уж больно не хотелось Кроту смотреть в ее глаза...

«Как же жрать охота», – вдруг подумал Крот, рысцой лавируя между горами земли и мусора с трофеем на плечах. Ворох сопел позади, семена своими кривыми ногами.

* * *

Наружный и подземный уровни первой линии укреплений полностью перешли под контроль подпехов. Центр пал недавно, когда гоблины сломили сопротивление засевших в глубоком блиндаже перворожденных. Вторая линия приказала долго жить после авианалета, и смердящим оставалось только убедиться, что врагу здесь больше нечего ловить. Позиции эльфийской артиллерии оказались уничтожены еще раньше. В качестве трофея штурмующим осталась лишь одна целая тяжелая мортира, зато в хорошо защищенном бункере нашлась целая гора боеприпасов – от пистолетных гвоздей до снарядов. Также взвод первой роты отыскал склад с оружием и продовольствием, никем не охраняемый. Гобломанты при поддержке оперативно подруливших с тыла особистов из СМЕРШа прочесали все уголки укрепрайона на предмет магических ловушек и артефактов, и улов оказался невелик. В основном чародейское оборудование для связи и слабые сигналки. Главную труд-

ность на последнем этапе операции составляли отряды прикрытия, обеспечивающие отход оставшихся сил разгромленного гарнизона. Эльфы дрались как сумасшедшие. Зеленые сделали несколько попыток взять небольшое укрепление, защищавшее дорогу, лобовой атакой, но потеряли много солдат. Обходной маневр привел к еще более тяжелым потерям – подпехи напоролись на минное поле. Тогда подкатили два орудия и после магической обработки вражьего гнезда расстреляли эльфов прямой наводкой. Своей цели, впрочем, оккупанты не достигли – на север ушло значительное количество техники, сбежало не меньше трех сотен личного состава, увезены документы и потенциально ценные «языки». Тусклый не был доволен результатом. Командир «Смердящего» рвал и метал, ругая уцелевших офицеров за нерасторопность, что, впрочем, их не очень и задевало. Они-то знали, что поработали на славу; до полудня было еще полтора часа, а Смерть Зеленым полностью перешла под контроль Армии Освобождения. Так или иначе приказ выполнен, и Тусклый знал об этом. Орал он больше для вида – чтобы поддержать образ сурового командующего. Что ж, все понимали и не обижались на смачные эпитеты, которые капитан раздавал в большом количестве.

Крот и Ворох добрались до разбитой в северном секторе укрепрайона штабной палатки, над которой уже установили флаг. Стрельба давно стихла, подпехи занимались подсчетом потерь, сортировкой трофеев и сгоняли пленных в большие кучи. В общем, здесь было довольно-таки шумно, а в воздухе носилось вполне понятное опьянение от заслуженной победы.

Гоблины-караульные выпучили глаза, заметив, что несет рядовой на плече. Рыжая напоминала мертвую лису. Сержант Сальный, сидевший за столиком возле рации, мог бы посоревноваться с караульными в искусстве выкатывать из орбит органы зрения. Маленькое представление дополнила отпавшая челюсть.

Крот и Ворох отдали честь и объяснили сержанту, кто и с чем их сюда послал.

Эльфку положили на продолговатый деревянный ящик из-под снарядов. Сальный некоторое время моргал.

– Она не назвалась?

– Вроде нет... Языками-то мы не владеем... – сказал Ворох.

– Значит, в бункере, за баррикадой... Тэк-с, тэк-с, тэк-с... Угу. Прыщ!

Один из караульных вырос перед сержантом.

– Разыщи мне Травяного! Переводчика, срочняк! – рыкнул Сальный. Прыща сдуло ветром исполнительности и дисциплины.

Сержант подошел к Вороху и Кроту.

– Итак, бойцы, выражаю вам благодарность! – Он оглядел их с критичностью портного, желающего убедиться, что его изделие сидит на клиенте безупречно. – Ранены?

– Никак нет! – ответил Крот. – Чужая кровь, вражеская!

– А это? – Сальный указал на плечо Крота, покрытое грязной коркой.

– Контузия! Ерунда!

– Гоблинский ответ, хвалю! – сказал Сальный. – Что ж, свободны, пока не вызовут... можете возвращаться в свое расположение... хм... если оно еще существует...

Уходя, Крот еще раз поглядел на лежащую на ящике пленницу. Было в этом что-то весьма жалкое, незащищенное; хотелось что-то сделать, а что – непонятно.

Цветок на грязном льду.

Крот почему-то знал, что видит ее не в последний раз.

– Идем.

– Все мы из-за нее подохнем, – сказал Ворох, пиная попадающиеся под ноги комья земли.

– Заткнись! Пустолайка! – гавкнул Крот.

- Предчувствиям доверяю.
- Каким это образом «мы все» подохнем из-за нее, объясни!
- А пес ее знает!
- Ну вот и помалкивай.

Ветер разорвал покров туч, закрывших солнце час назад, и яркий свет залил поле битвы. Крот чувствовал себя победителем. Пора написать Маргаритке письмо и по-мужски ударить себя пяткой в грудь: вот ты сомневалась, любимая, а я... Герой я, так что пусть твои братцы забьют себе в глотку все эти словечки.

– Крот! Кухню подкатили! Бежим, а то жрачки не достанется. Слышь, кажется, похлебка из мантикоры!

Неожиданная легкость в теле позволила Кроту бежать.

3

Мы все еще здесь, мы все еще живы, хотя, надо признать, было нелегко... Многие не дошли сюда и пали, покрыв себя несмываемой славой... Так уж сплелись нити Судьбы. Правы мудрецы, утверждающие, что участь гоблина – быть героем, а за героем смерть, как известно, ходит по пятам, словно паршивая собака, никак от нее не отмахаться.

Взглянем на карту мира с большой высоты. Вот этот континент, напоминающий кляксу в форме дыни с лохматыми краями, эльфы называют Taes-Lomnir – Земли Найденные. Претенциозно, как все эльфийское, но и здесь скрыто какое-то мистическое значение – не без того. История названия уходит в глубину тысячелетий и для большинства неэльфийских хроникеров является загадкой. Народная молва, впрочем, дает простое объяснение: эльфы отыскивали то, что, по их мнению, плохо лежит, и заграбастали. Как это случилось со Злоговаром – но об этом чуть позже.

Сейчас нашему взгляду предстают величавые реки, исполинские горы, долины, леса, урочища, болота – словом, могучие ландшафты древней земли, давшей жизнь трем расам: людям, гномам и гоблинам. Хотя эльфы этого и не признают, стремясь всячески фальсифицировать историю, но факты – вещь упрямая: Таэс-Ломнир не имеет к ним никакого отношения. Они всегда приходили сюда с востока как завоеватели, силой брали то, что могли, и уходили обратно за море Sert-Baalenn¹³ на своих серебристых барках. Так продолжалось тысячи лет. Пиратские набеги Детей Цветов порождали бесконечные войны, смуты и суетный страх, витавший над просторами земель. Немудрено, что по прошествии веков эти декадентствующие личности вконец достали даже долготерпимых гномов. Им начали давать серьезный отпор – попросту отлавливать и мордовать, как того разбойники заслуживали. В итоге войн, смут и всего такого прочего стало больше, но история не творится без крови, в особенности если мирным народам приходится денно и нощно отмахиваться от наскоков психованных эльфов. Долго ли коротко ли, но страх перед могуществом и магией Детей Цветов начал проходить; мистический ореол, которым себя окружали заморские бандиты, рассыпался, и никто уже не верил в их бессмертие и всемогущество. Если противника можно прихлопнуть хорошим ударом дубины, то какой же он, простите, бог или полубог? И кровь у эльфов оказалась столь же красная, и визжали они от боли, как всякий другой, получивший в брюхо рогатиной...

Словом, взялись за это дело серьезно, и пошли многочисленные военные союзы. Эльфы с гоблинами, гоблины с гномами, гномы с людьми и люди с гномами. Несколько проигранных сражений на суше и море убедили эльфов в том, что мир изменился и что добыча перестала быть доступной. Пришло время перестраиваться и учиться осторожности. Началась эпоха более-менее мирной колонизации. Самые изобретательно-коварные эльфийские умы сообразили, что не мешало бы создать на чужих территориях несколько крепких форпостов, которые можно было бы использовать в качестве точек опоры для будущей экспансии (ведь конечная цель – это Мировое Господство!). Сказано – сделано. Эльфы принялись торговать, и оказалось, что им есть что предложить остальным. Торгуя и налаживая дипломатические контакты, эльфюги завоевывали и покупали территории, становясь хозяевами новых богатств и ресурсов без войны, и это было, по их мнению, прекрасно. То, что раньше они вырывали у противника с мясом, проливая кровь, сейчас становилось добычей без единого выстрела. Так и возникли на месте торговых поселений новые эльфийские государства: Фаэдлин, Кельшиор, Цаэрнес и прочие. Какое-то время они еще сохраняли связь с исторической родиной Детей Цветов Зиаркенной, но спустя века обрели независимость. Многие не

¹³ Sert-Baalen (эльф.) – Море Чудовищ.

без оснований считают эльфы государства приличными занозами в пятой точке, ибо эльфы в неизбывном своем зазнайстве беспрестанно пытаются диктовать собственную волю соседям. Касательно самой Зиаркены, то, говорят, что с помощью мощных генераторов силы эльфы сокрыли свой остров от чужих глаз. Никто не знает теперь, где он находится, и все попытки отыскать его на беспокойных просторах Моря Чудовищ вот уже два столетия не приносят результатов. Аналитики сходятся во мнении, что эльфы всерьез опасаются крупномасштабного возмездия за собственные злодеяния. Теперь, стало быть, счет предъявлять надо не самому рассаднику эльфизма, а дочерним отпочкованиям. Как говорил один мудрец: Голос Правосудия никогда не замолкнет. Именно он и гремит сегодня на просторах бывшей страны гоблинов и становится все более яростным и угрожающим. А что с планами насчет Мирового Господства? Отказались эльфюги от них? Самые серьезные исследователи этого вопроса говорят, что нет. Есть вероятность, что Сокрытие Зиаркены – часть общей стратегической схемы. Последствия Сокрытия мир еще не почувствовал на себе, и самые мрачные прогнозы настаивают, что самое худшее впереди...

Но посмотрим вновь на карту. Это Злоговар, по-эльфийски Шелиандом¹⁴ зовущийся. Южная его граница проходит по береговой линии от мыса Чуток на северо-востоке до небольшого горного массива Дофига на северо-западе. Самым древним и основным населением на этих просторах всегда были гоблины, дикари, драчуны и свободолюбцы. Жили большими племенными союзами, постепенно трансформировавшимися в нечто вроде республик с военно-демократическим управлением. Гоблины всегда воевали и всегда задирались, но не больше, чем те же гномы, приватизировавшие себе все самые крупные известные горные массивы. Чаще всего силушку и воинственный задор зеленые употребляли для внутреннего пользования. Периоды мирного сосуществования в Злоговаре сменялись периодами довольно-таки жарких потасовок между республиками и гоблинскими королевствами. Хроникеры и исследователи гоблинского чуда едины во мнении: внутренние конфликты на территории Злоговара никогда не носили особо ожесточенного характера и служили подчас только одной-единственной цели – выпустить пар. Случалось, на битву единокровники выходили и вовсе без оружия, без дубин и ножей, а шли мутузить друг друга исключительно кулаками. И дубасили от души, соревнуясь, кто завалит больше, делая ставки и заключая пари. Известны случаи, когда, измочаленные многочасовым рукопашным побоищем, зеленые бросали это дело и, довольные, что славно повеселились, шли все вместе пить пиво. Так и выходило, что очень часто войны злоговарские заканчивались не линчеванием побежденных, не горами трупов и сжиганием городов, а большими и шумными праздниками. Именно это обстоятельство повергало бывалых путешественников и хроникеров в некое подобие шока и заставляло спорить до хрипоты на научных симпозиумах. Наезжали ли гоблины на соседей? А как же, ответит вам любой старожил, бывало и такое. Известны походы Грыжи Восковой на Бренн Тайн – столицу Графелии. Трижды известная гоблинова генеральша, дочь своего знаменитого папаша Чиха Зверского, доходила до золотых ворот белокаменного града и трижды собирала богатую дань. Каждый гоблиночек с детства знает сказки о ее подвигах. А Перелом Сизый? Имя его до сих пор приводит в ужас и ярость гномов Партахенны. Ведь именно отчаянные кондотьеры знаменитого головореза сумели проникнуть в королевскую сокровищницу Клескариха Второго и разграбить ее подчистую. Никому и никогда больше этого не удавалось. Перелом Сизый до сих пор считается самым лучшим стратегом в истории гоблинской расы. Ему удалось не только свистнуть гномье золотишко, но и вывезти его, воспользовавшись услугами ликантийских пиратов, большая часть которых сама принадлежала к подгорному племени...

¹⁴ Шелианд, Sheliand – Достойная Обитель (эльф.).

Старые добрые времена, вздохнуть впору и оскалить клыки... Да, боялись гоблинов по всему свету за буйный нрав и вспыльчивость, не любили за тупоумие, ненавидели за желание жить по своим, гоблинским, законам, какими бы они ни казались иным чистоплюям ужасными. Гоблину всегда мила своя собственная мерка. Ему ни к чему гномские бороды и эльфийские обтягивающие панталоны, зеленый ни у кого не спрашивает разрешения, как жить и что делать. Его боги дают ему свободу, а большего гоблину и не требуется. Слишком многого из чужого ему не надо, и все завоеванные в битвах трофеи – лишь символы доблести, а не средство обогащения. Насчет же эльфийской пропаганды, что появилась в поздний период, любой зеленый лишь скептически фыркнет. Может, и не сформулирует он в точности мнение историков, но подтвердит как на духу. Воевали гоблины с другими расами ничуть не больше других, а уж завоевательных войн в том смысле, какой обычно в это вкладывается, вообще практически не знали. Им хватало Злогогара. Наибольший удельный вес притязаний на чужое добро, проще говоря умение разевать рот на чужой каравай, принадлежал как раз гномам и эльфам. Последним в самой большой степени. Именно эльфы в конце концов захватили Злогогара и переименовали его в Шелианд, дабы стереть с лица реальности «рассадник варварства и непролазной грязи». Надо сказать, каравай Детям Цветов достался приличный. Целый континент со всем его содержимым.

Случай со Злогогаром окончательно доказал агрессивную направленность эльфов в целом и реанимировал разговорчики об их претензиях на Мировое Господство. Первый удар нанесли Дети Цветов по гоблинам, тем, кого считали злейшими и опаснейшими врагами, и, вероятно, к своему собственному удивлению, достигли успеха. Основные конкуренты были отодвинуты в сторону, частично уничтожены и рассеяны по другим землям, и мир замер в хрупком равновесии. Никто не знал, кто будет следующим и что вообще намерены делать первоорожденные теперь.

Триста лет прошло с той поры, но гоблины помнят все. Кровь – не водица. Всякий раз бурлить начинает при упоминании Великого Исхода. В первые сто лет многочисленные колонии зеленых не раз и не два пытались организовывать в Злогогара военные экспедиции, но возвращались ни с чем, если вообще возвращались. Эльфы пресекали все попытки гоблинов отвоевать даже пядь прежней земли, а селиться на мирных началах чужакам запрещали категорически. Исключение было сделано разве что для гномов. От подгорного золотишка Дети Цветов не отказывались, ибо оно лучше всего прочего могло поспособствовать окончательному установлению эльфовой власти на исконных гоблинских территориях. Спустя некоторое время новоиспеченные хозяева собрались на Большой Совет, чтобы раз и навсегда заявить миру: Злогогара отныне наш и с этого дня именуется Шелиандом. И никаких гвоздей, что называется. Сказали, как в лужу... по выражению одного бывалого гобломанта. Все существующие эльфы королевства обязались помогать друг другу словом и делом, защищаться от недружественных народов и насаждать мир во всем мире. Как сами это понимали. Никто, однако, на эту чушь сначала не повелся. В переводе с напыщенного на обыкновенный эльфийская доктрина звучала так: кто рыпнется – получит по башке. Под словом «рыпнется» Дети Цветов подразумевали только одно – учинение препятствий эльфийской экспансии, а уж она-то вскорости должна была развернуться во всю ширь. Что остроухие не могли взять силой, они воровали, где не могли договориться, там в ход шли магия, нож и яд. Где для защиты собственных интересов требовалось позолотить ручку, они золотили щедро, покупая бывших врагов пачками.

Так продолжалось до тех пор, пока соседние с эльфами народы не поняли – еще немного, и каждое их королевство, княжество или даже маленькая империя станет эльфийской провинцией. И если даже над ней не будут победоносно развеиваться знамена со звездами и белыми кораблями, фактически это будет эльфы собственность. Спустили в уборную свою свободу, как сказал великий гоблинский адмирал Стояк. Ну ему, как гоблину, было

видней. Зеленые были единственными, кто не примирился с положением дел и продолжал так или иначе взбрыкивать по поводу установления справедливости и порядка, проводимого эльфийскими политиками. Гоблины по-прежнему мечтали о реванше, но понятия не имели, как подступиться к этой проблеме. Так уж получилось, что объединяться во имя общего дела зеленые были непривычны. Во времена Злоговара необходимости не было, а потом и вовсе, будучи рассеянными, только хлопали глазами, ежели такая мысль возникала.

Наконец история дала им шанс. Если не бывает у нации долгое время сметливых и решительных лидеров, то в конце концов они появляются. Природа ведь не терпит пустоты. Ну народились герои в разных уголках света, где гоблинские колонии разбросаны были, возмужали, окрепли интеллектом и стали налаживать друг с другом контакты. Туго пришлось поначалу (и не без доброго старого мордобоя), но как только смазали гномы гоблинскую машину золотишком, так покатила она резвее. Снова во весь голос заговорили о Злоговаре. Из одних гоблинских уст в другие стало переходить это волшебное слово. *Злоговар. Злоговар. Злоговар.* Словно древний горловой рык гоблина-варвара, вооруженного бронзовой секирой. Словно клокочущая в перерезанной вражьей глотке кровяца. Заставляющий насыщаться духом боевитости гоблинский бренд с мощной магической подпиткой...

Но слова словами, лозунги лозунгами, а конкретные шаги требовались. Толчок к ним дал знаменитый ныне и легендарный король Вырвиллы Харкпллой Брод Клыкастый. Братие, сказал он на весь белый свет, неужто так и будем крысами сидеть по углам, видя, как превращают родину нашу в средоточие эльфийского непотребства? Важно было правильно поставить вопрос – это Харкпллой знал хорошо, ибо получил свое военное образование в академии и не где-нибудь, а в Беризонии, откуда вышли все знаменитые военачальники человеков. Недолго ждал Харкпллой ответа от собратьев. Ответ пришел такой: не будем сидеть крысами по углам, не хотим! Умело подогрев энтузиазм при помощи нескольких пиар-акций и немного пораздував воинственные настроения, Харкпллой сделал следующий шаг. Созвал всех вождей, старейшин, политиков, военачальников и просто уважаемых гоблинов со всех земель на остров Мум. Примчались мигом, да так много, что размещались, впрочем не в обиду, даже в палаточном городке. Никогда еще такого могучего съезда зеленых мир не знал. Хотя бы потому, что пьянка, имевшая место после него, вовсе перевернула представление общественности о гоблинской удали.

Но банкет-то был в конце, а до того, вооружившись страстным желанием изменить собственную историю, гоблины обсуждали главный и весьма наболевший вопрос: что делать? Спорили, гремели, матерились, но больших идеологических расхождений не было. Подогрев публику, Харкпллой сформулировал вопрос иначе, конкретней, и вынес его на голосование. В положительном решении король не сомневался – и так оно и вышло. Девяносто девять и девять десятых процента гоблинов проголосовали за немедленную Реконкиту – *немедленную*, подчеркивалось в итоговом документе. Пришедшие в боевой задор гоблины едва не потопили остров Мум, и король похвалил себя за предусмотрительность. Проходи съезд где-нибудь на континенте, не избежать бы массовых погромов и прочих прелестей мирного сосуществования народов.

Так было принято историческое решение о создании Армии Освобождения Злоговара, определены цели и задачи и набросан примерный план кампании. Эльфы немедленно окрептили съезд провокацией и Мумским Сговором, что, впрочем, зеленых не волновало. Теперь у них появилась Цель, и они стремились к ней с неувядающим энтузиазмом, на который способны лишь гоблины. В воздухе запахло жареным. Как только делегаты съезда пришли в себя после достопамятного банкета – остров Мум можно было после этого выбрасывать ввиду того, что восстановлению он не подлежал, – гоблины разъехались по своим городам и весям. С этого момента началась массированная подготовка к Реконките. Такое диковинное название на языке людей дал освободительному походу некий гобломант из окружения

Харкплюя. Зеленым оно понравилось и тут же перекочевало в пропагандистскую литературу и плакаты. Следом за этим взволновалась вся мировая общественность, особенно, как легко догадаться, эльфы. Особенно эльфы Шелианда, пришедшие в справедливое негодование. Уже почти уверенные в том, что реванша не будет, они вдруг получают такое известие, и мало того, что приготовления к войне не скрываются, так гоблины получают в свое распоряжение открытых союзников. В первую очередь гномов, которых уже давно не устраивали претензии эльфов на всеобщую гегемонию. В последнее время, говорили бородатые, эльфийское отродье настолько обнаглело, что стало совать свой нос даже в наш традиционный бизнес – банковский. Гномы не ввали. Финансовые войны, сотрясающие континенты, успели нанести им немало ущерба, а эмбарго – новомодное эльфийское средство шантажа – кое-где и вовсе грозило пустить гномские союзы по миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.